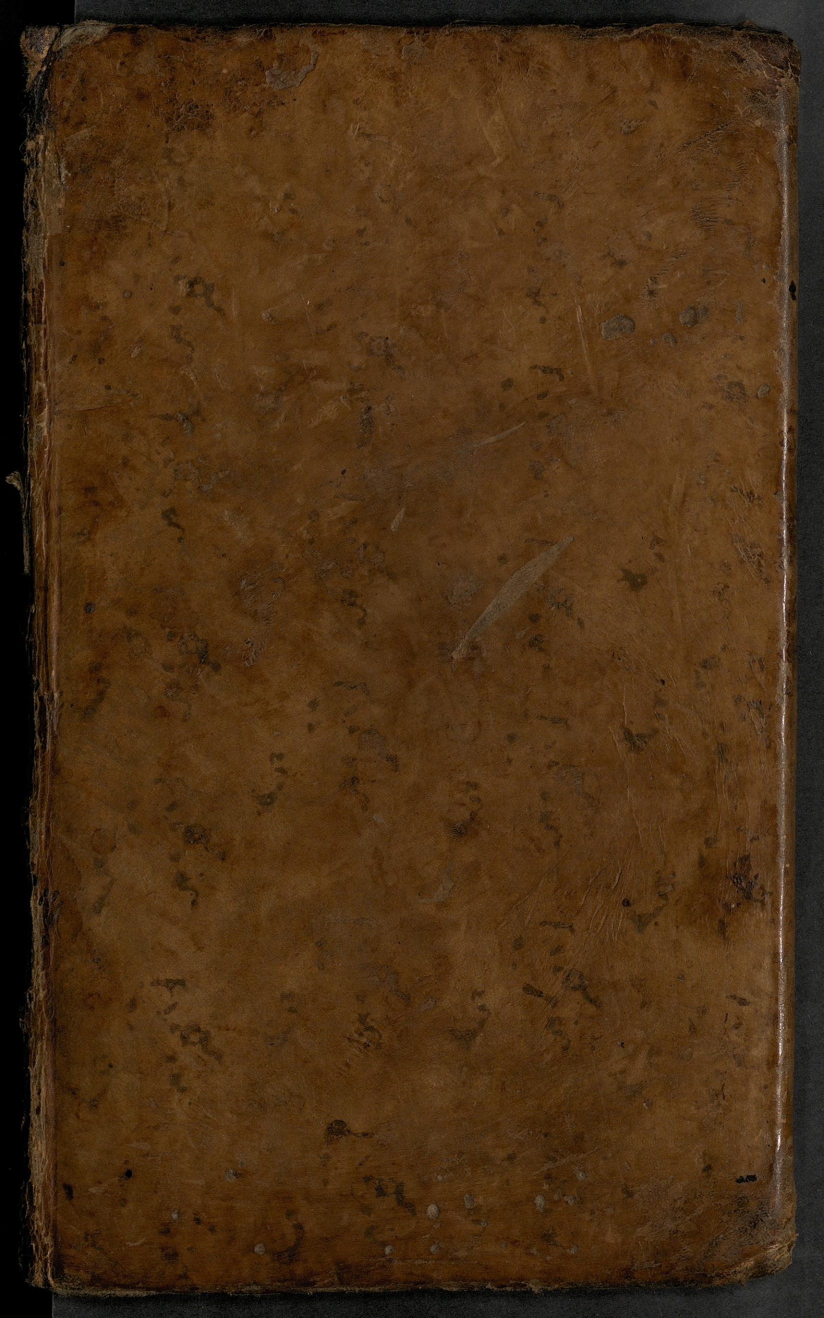

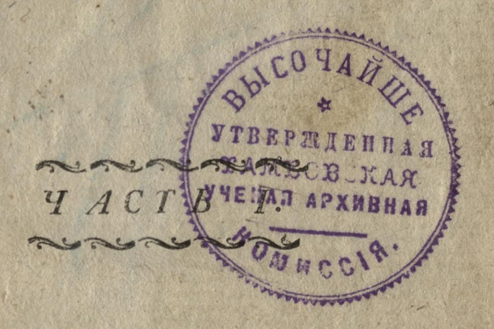
Гомес, М. А.

МК

ВЕСТАЛКА

ИРМЕНЗУЛОВА ХРАМА.

ИРОИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

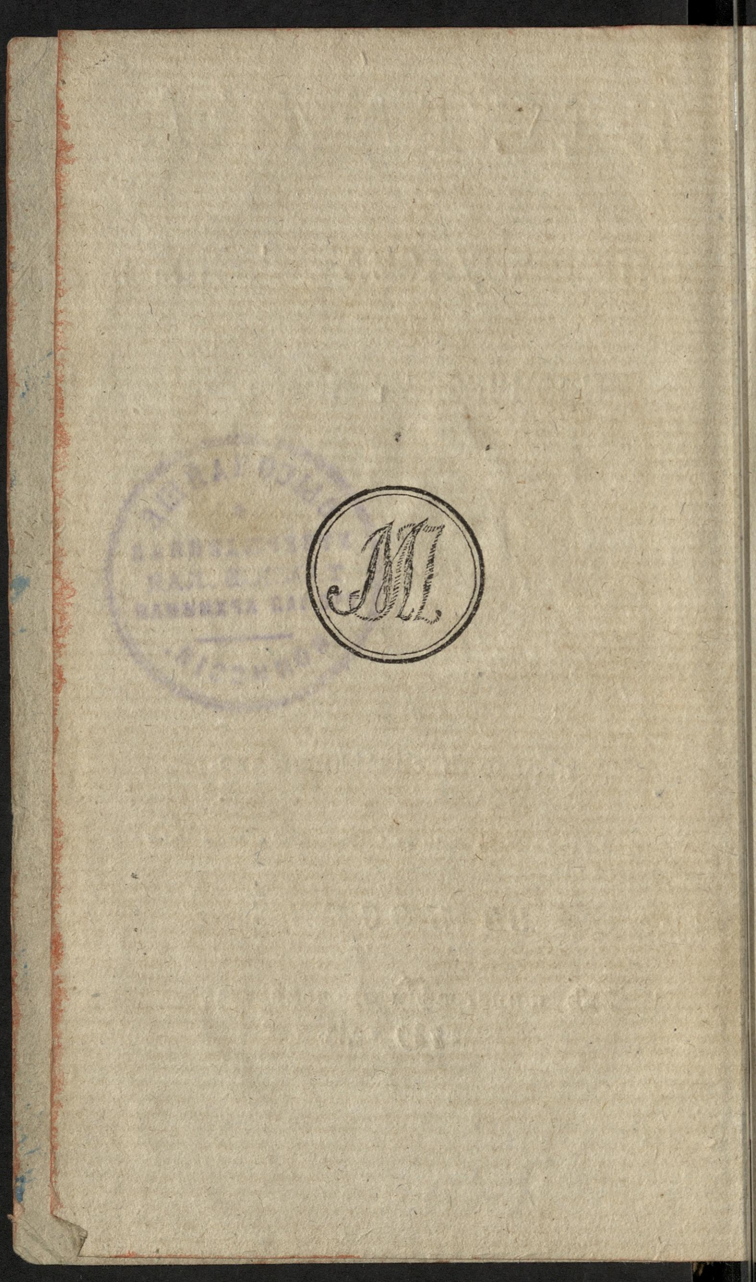
ЧАСТЬ I.

переводъ съ Нѣмецкаго.

ВЪ МОСКВѢ

въ типографіи Пономарева.
1789 года.

ВЕСТАЛКА ИРМЕНЗУЛОВА ХРАМА.

Когда паденіе Римской Имперіи поводъ подало къ произращенію многихъ королевствъ, которыя предъ возставленіемъ своимъ, званіе провинцій сей страшной Монархіи нести за честь себѣ поставляли: тогда показалось весьма скоро изъ остатковъ оной во всѣхъ частяхъ свѣта довольное число князей, кои для присовокупленія себѣ многихъ мѣстъ долговременную и жестокую между собою войну имѣли. Но и отдаленнѣйшіе народы заражены были тѣмъ желаніемъ, и окружали границы тѣхъ, кои со-

сѣдей токмо своихъ непріятелями быть чаяли. Азія, Европа и Африка выбирали себѣ Царей, которые недовольны будучи окрестными своими землями, еще и въ самыя отдаленныя отъ нихъ пробирались. Азіатцы продолжали свою побѣду до Африки. Африканцы также приводили Европу въ ужасъ, и когда каждой народъ избиралъ такую секту, которая съ его жестокостію соглашалась; то учинилось изъ того преужасное смешеніе язычества, идолопоклонства, и Магометанскаго ученія. Когда уже начальствующій свѣтомъ опредѣлилъ сему многоглавному змію главы сокрушить, и въ наилучшихъ частяхъ Европы Христіанскихъ и въ истинной службѣ ревнительныхъ ге-

роевъ произвесть благословилъ, кои не токмо сихъ безбожныхъ народовъ изъ оной выгнали, но и войну до ихъ предѣловъ продолжали, идоловъ ихъ разорили, и храмы единому истинному Богу посвятили, крестъ возставили, и принудили ихъ оному покланяться: то и тогда не смотря на все ихъ старанiе и получаемую пользу, разоряли еще Сарацины Гишпанiю и язычество пребывало въ Саксонiи. И когда идолопоклонство въ Данiи и въ Швецiи уже разпространялось, то Карлъ великiй, Король Французскiй и первый Императоръ, на западѣ принялъ старанiе оное совершенно искоренить. Сей Августѣйшiй и великодушный Монархъ, коего титулы тѣмъ славны были, что онъ ихъ чрезъ

свои преизрядныя добродѣтели заслужилъ, былъ такимъ образомъ избранъ противъ Сарацинов, чтобъ ихъ изъ Гишпаніи выгнать, и Саксонцовъ къ познанію истиннаго Бога привести. Сей безпокойный, кичливый, варварскій и въ идолопоклонствѣ закоренѣлый народъ имѣлъ у себя Королемъ жестокаго и того храбраго Князя, которой подъ именемъ Витекинда въ исторіи извѣстенъ, и былъ Карлу то покореннымъ, то опять бунтующимъ противу его.

Но въ то время какъ онъ храбрости сего героя сопротивлялся; то воспитывалъ Сѣверъ другаго воина, котораго геройскій жаръ и неограниченная бодрость Монарха сей холодной части свѣта руководствовали къ

подвигамъ. Ерихъ или Фридрикъ Норвежскій Принцъ, будучи дватцати двухъ лѣтъ, возвелъ дядю своего на престолъ, котораго Датской Король побѣдивъ плѣнилъ. Храбрый Ерихъ пошелъ съ вѣрнымъ Королю своему войскомъ на помощь противъ Датскаго Короля, и давъ ему подъ Копенгагеномъ баталію, весь сей городъ разбилъ, Арольда изъ плѣну освободилъ, и Датчанъ принудилъ возвратиться въ свои границы. Но Арольдъ больше завидуя Ериховой славѣ, нежели благодаря за показанную ему отъ него услугу, ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ способовъ къ его погубленію. Норвежскій Принцъ увѣдомясь о его неблагодарности, и слышавъ каждой день о знаменитыхъ дѣлахъ Карла вели-

каго, оставилъ Арольда изъ честолюбія, и чтобъ отъ тайныхъ и обидныхъ для него ухищреній варварскаго сего Князя избавить себя, обратился во Францію, дабы свидѣтелемъ быть великихъ дѣлъ сего свѣтлѣйшаго Монарха, ему подражать, и въ военной наукѣ до его степени достигнуть. Ерихъ былъ изящныхъ достоинствъ, и хотя въ такой землѣ родился, которая казалась отъ натуры всѣхъ преимуществъ лишенна; однако драгоцѣннѣйшими дарованіями былъ украшенъ, и будто естество въ немъ показать хотѣло, что онъ только одинъ изъ всего своего народа, котораго оно старанія своего достойнымъ почло. Карлъ одаренъ былъ самъ всемъ тѣмъ,

что человѣка совершеннымъ сдѣлать можетъ. Онъ имѣлъ удовольствіе показывать всѣмъ чужестранцамъ свои собственныя свойства, и для того принялъ его со всѣми знаками совершеннаго почтенія, и учинилъ его товарищемъ въ своихъ великихъ дѣлахъ.

Ерихъ предался ему какъ ревностный почитатель. Сей Монархъ принялъ его къ себѣ въ дружбу и не нашелъ въ немъ никакого недостатка, кромѣ неведенія истинной вѣры, и потому неотступно его просилъ сію тьму оставить. Сей молодой Принцъ къ пріятію истинной вѣры себя предуготовить велѣлъ, и крещеніе принялъ; наконецъ ставъ ревнителемъ Евангельскія истинны, послѣдовалъ

Карлу великому въ Гишпанїю противъ Сарациновъ, и былъ въ походѣ съ нимъ въ Германїи, во время котораго сей Монархъ получа извѣстїе, что возмутительные Саксонцы его силѣ еще противятся, принялъ намѣренїе ихъ укротить, и пресѣчь то идолопоклонство, которое въ семъ народѣ пребывало.

Но еще не прїемля оружїя онъ хотѣлъ отвѣдать побѣдить ихъ валикодушїемъ, и вознамѣрился послать одного изъ своихъ придворныхъ къ Саксонскому Королю съ тѣмъ объявленїемъ, что онъ побѣдоноснаго своего оружїя не внесетъ, ежели онъ испровергнетъ идоловъ своихъ кровавыя жертвы, и истиннаго Бога признаетъ; а ежели не прїиметъ сихъ договоровъ,

что онъ не вложитъ прежде мечь свой въ ножны, пока послѣднѣйшаго къ истиннѣ не приведетъ.

Храбрый Ерихъ имѣя любопытство видѣть сей народъ, получилъ отъ Карла позволенiе ѣхать съ назначеннымъ посломъ въ Ексбурхъ, гдѣ Витекиндъ имѣлъ резиденцiю.

Сей городъ лежитъ близь рѣки Имеля, нынѣ Истанбергомъ называется, и былъ въ то время славнѣйшiй театръ всѣхъ мерзостей идолопоклонства Саксонцовъ, которые идолу своему *Ирмензулу* капище построили.

Изображенiе сего идола представляло совершенно вооруженнаго мужа, и нѣкоторые его Марсомъ, а другiе Меркурiемъ почитали, которому они не

только дикихъ звѣрей своихъ лѣсовъ, но и всѣхъ непрїятелей въ жертву приносили, когда только они такъ какъ военноплѣнные въ руки ихъ попадались, или морскими ихъ разбойниками взяты бывали: ибо Саксонцы тогда страшнѣе всѣхъ народовъ были на морѣ. *Ирмензулово* капище имѣло при себѣ еще два по сторонамъ: одно для жрецовъ, и главнаго ихъ жреца; а другое заключало въ себѣ нѣкоторое число сему идолу посвященныхъ весталокъ; оныя всѣ послушны были одной, которая имѣла названїе жрицы; она имѣла надзиранїе надъ звѣриными жертвами, а верьховный жрецъ надъ человѣческими. Капище стояло посреди лѣсу, въ которомъ сдѣланы были жилища для ди-

кихъ кабановъ и воловъ, коихъ достойными къ жертвамъ сего идола почитали. И когда каковый звѣрь къ сему употребленїю назначался: то запрещено было подъ лишенїемъ жизни въ лѣсахъ на него нападать, какая бы тому причина не была. Весталки, жрица, жрецы, и главной жрецъ не имѣли между собою ни малѣйшаго обхожденїя, и не видали другъ друга никогда, кромѣ жертвенныхъ дней, и то во время приношенїя жертвъ. И какъ сїи Весталки только по жеребью вышняго достоинства достигнуть могли: то позволено имъ было обучаться звѣриной ловлѣ, дабы ихъ чрезъ то къ тому терзанїю и бодрости прїучить, которое псы при нихъ надъ гонимыми звѣрями показываютъ.

Но при таковой ихъ ловлѣ ни одинъ мущина быть, или въ лѣсу показаться не смѣлъ; и для сего назначены бывали нѣкоторые особливые дни. Король самъ, ежели не хотѣлъ нарушить законовъ, не имѣлъ права сїю забаву въ то время имѣть, которое имъ назначено было, и съ ними повстрѣчаться.

Таковые были обычаи сего варварскаго народа. Ерихъ съ посломъ прїѣхалъ къ Витекиндову двору, которой глазамъ ихъ множество злонравныхъ, дикихъ и при самыхъ простыхъ забавахъ жестокихъ военныхъ людей представилъ. Норвежскїй Принцъ разсудя, что посолъ отъ сихъ кичливыхъ и дикихъ народовъ ничего не получитъ, и скоро опять будетъ принужденъ

возвратиться, оставя ему исправленіе его должности, самъ вознамѣрился осмотрѣть все то, что любопытства своего достойнымъ почиталъ. Онъ былъ въ капищахъ, видѣлъ обычайныя тамъ церемоніи, и приходилъ часто въ искушеніе идола ихъ низвергнуть, ежели бы только пословы разумныя представленія его не удерживали.

Онъ весьма желалъ видѣть жилище весталокъ, и ихъ жизнь посмотрѣть; но не могъ того получить. Онъ разговаривалъ нѣсколько разъ съ главнымъ жрецомъ, котораго къ идолослуженію не столько ревнительнымъ усмотрѣлъ, какъ прочихъ Саксонцовъ; изъ его нарѣчія познаЛъ Принцъ, что онъ не природной Саксонецъ, чего для вознамѣрился

по ревности своей къ Христіанству и его къ познанію привести, съ тѣмъ намѣреніемъ и надеждою, что его примѣръ сильно въ народѣ подѣйствовать можетъ. Главный жрецъ приведенъ будучи въ такое удивленіе, съ каковымъ всѣ на сего молодаго принца смотрѣли, показывалъ ему съ своей стороны всѣ знаки таковаго особливаго почитанія, что онъ чрезъ то сталъ съ нимъ смѣлѣе и откровеннѣе говорить о мерзости его состоянія.

Я изумляюсь, говорилъ ему принцъ, видя такихъ варварскихъ людей, которые равныхъ себѣ собственными ихъ руками сдѣланнымъ болванамъ безъ трепету и ужасу приносятъ въ жертву, хотя они и ни малѣйшей власти не имѣютъ; и не

могу понять какъ ты отецъ, имѣя по видимому больше прозорливости, нежели сей народъ, чинъ главнаго ихъ жреца принялъ, которой тебя обязуетъ руки въ крови ближнихъ твоихъ умывать. Сего несчастія я еще не имѣлъ, отвѣчалъ ему жрецъ, и прошу каждой день боговъ, чтобъ они отъ меня сіе отвратили. Я только еще два мѣсяца главнымъ жрецомъ: въ сіе время не было человѣческихъ жертвъ. И ежели угроженія Французскаго Монарха дѣйствіе свое получатъ; то никогда не надѣюсь того исправлять. Посемъ просилъ его Ерихъ ему сказать, доволенъ ли онъ Саксонцами, и для какой причины его главнымъ жрецомъ избрали, объявляя, что онъ его

за чужестранца признаетъ и удивляется, для чего природнымъ Саксонцамъ его предпочли. Я родомъ изъ Норвегіи, отвѣчалъ жрецъ, множество несчастій, которыхъ описаніе вамъ наскучить можетъ, завели меня противъ моей воли въ здѣшнюю страну. Я бы былъ лишенъ жизни; но сожаленіе бывшаго предо мною главнаго жреца принудило меня сохранить его благопріятство, посвятивъ себя *Ирмензулу*. Я живу 15 лѣтъ въ семъ капищѣ. Уединенная и бѣдственная жизнь, которую я себѣ всегда представлялъ, почтена была отъ Саксонцовъ за преданность къ ихъ идолу, и увѣрила ихъ послѣ смерти главнаго ихъ жреца, которой изъ рукъ ихъ меня избавилъ. Ерихъ имѣя участіе въ

сихъ словахъ, и думая, что онъ ему совершенно себя откроетъ, ежели узнаетъ, что и онъ изъ Норвегiи, говорилъ ему: такъ мы съ вами изъ одной земли! меня изгнали изъ оной на вѣки; однакожъ по справедливости я почти добровольно вышелъ. Я важнѣйшiя обстоятельства, нежели описанiе твоихъ несчастiй, могу тебѣ открыть, и естьли ты меня считаешь въ состоянiи оказать тебѣ мои услуги; то прошу тебя мнѣ ввѣриться. Вы молоды, отвѣствовалъ ему главный жрецъ, смотря на него весьма пристально, и я сумнѣваюсь, что не довольно знаете особъ Арольдова двора. Естьли кто нибудь взялъ на себя трудъ произнести вамъ имя одного

Принца, котораго вся Норвегія чаяла по приказу Короля своего умерщвленна видѣть, и естьли приключенія несчастнаго Клодомака до слуха вашего дошли- - - - Ахъ! вскричалъ Принцъ его обнявши; возможно ли! я вижу въ тебѣ брата матери моей, о которомъ столь много слезъ я пролилъ.

Чрезвычайно изумленный жрецъ, видя сына сетры своей въ той особѣ, которую весьма не знакомою почиталъ, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ такія движенія, которыя его въ сей истиннѣ увѣряли, и обнимая его съ нѣжностію говорилъ: ахъ! такъ ето ты любезный Ерихъ, которому Гилдегарду я назначилъ? Я не знаю, отвѣчалъ ему Принцъ, какое счас-

тїе ты для меня сберегъ; я слышалъ о жизии твоей необстоятельно: потому, что Принцесса мать моя всегда случаи отвращала о томъ со мною говорить, боясь чрезъ то посѣять во мнѣ ненависть и мщенїе противъ Арольда: но, ето правда, я Ерихъ, и что по моихъ родителяхъ никакого союза, кромѣ того нѣтъ, которой меня, по крови съ тобою соединяетъ.

О сынъ мой! такъ могу я тебя назвать, отвѣчалъ Кодомакъ, теперь мнѣ уже никакое несчастїе приключиться не можетъ, когда счастїе насъ соединяетъ; но я вижу изъ глазъ твоихъ ту нетерпѣливость, съ которою ты злополучїя мои вѣдать желаешь: однакожъ ты

принужденъ оную до завтра удерживать. Порядки здѣшняго капища не позволяютъ мнѣ больше сего дня съ тобою говорить. Принцъ чувствовалъ въ себѣ чрезъ сїю отсрочку немалыя безпокойства: не хотя Клодомака принуждать, и еще больше прежняго желая его отъ сего лживаго божества по привязанности и любви къ нему отвлещи, уговорился съ нимъ, чтобъ ему завтра при входѣ солнца опять въ капище притти, и чтобъ обѣимъ имъ запереться, гдѣ главный жрецъ ему всѣ несчастїя откроетъ. Посемъ они разстались, и Ерихъ намѣренъ былъ возвратиться въ посольской домъ; но слышанное и отъ того произшедшее изумленїе, что онъ такого Принца живаго нашелъ, которой, какъ

то думали, уже 15 лѣтъ жизни лишенъ, привело его въ такое глубокое размышленіе, что онъ забывшись путь свой прямо къ лѣсу направилъ, и такъ далеко зашелъ въ оной, что не прежде опомнился, какъ со взоромъ на одну женщину, которой удивительная красота въ новое его изумленіе привела.

Онъ увидѣлъ молодую дѣвицу лѣтъ 19, которая имѣла въ рукахъ лукъ, и колчанъ наполненной стрѣлами; величественной ея станъ подобился Діанѣ; она стояла прислонившись къ дереву, и казалась прилѣжно слушающею, что ей другая охотница, бывшая одна съ нею говорила. Принцъ довольно имѣлъ времени ее разсмотрѣть, и потерять сердце, которое до

тѣхъ поръ любви не причастно было: та стрѣла, которую она на его сердце пустила, и въ одну минуту пронзила, была уже не отвратима. Ежели бы мужественный Ерихъ не освободился отъ язычества, то почелъ бы сїю любезную красавицу богинею: но видя ее какъ прекраснѣйшее творенїе, чѣмъ только человѣческїй родъ украшенъ быть можетъ, премѣнилось его суеверное моленїе въ нѣжное чувствованїе, вмѣсто того, что въ другое время почтилъ бы онъ ее божескими жертвами.

Онъ стоялъ неподвиженъ весь внѣ себя, и въ восхитительномъ своемъ удивленїи забылъ, что смерти достойное преступленїе видѣть *Ирмензулу* посвя-

щенную красавицу; но во удовольствіи, полученномъ отъ ея взора, не видя предстоящаго ему ужаса предался своимъ движеніямъ; и любви достойная Весталка увидѣла его прежде, нежели онъ вздумать могъ, что такого жизни его опаснаго взора удалиться надлежитъ.

Она не меньше его изумилась, увидя молодаго кавалера столь близко отъ себя; но еще больше удивилась тѣмъ пріятностямъ, которыя во всей его особѣ видны были, и почувствовала въ себѣ больше безпокойства о его жизни, нежели гнѣва на его отважность: нѣжное сожаленіе овладѣло ея сердцемъ, и она не могла движеній своихъ преодолѣть, чтобъ ему не сказать: „ убѣгай отсюда несчаст-

„стный чужестранецъ, или те-
„бѣ не извѣстны наши законы?
„и знаешь ли ты какая ужасная
„судьба тебѣ угрожаетъ, есть-
„ли тебя здѣсь увидятъ? „

Я чужестранецъ, сударыня, отвѣчалъ ей Принцъ, ставъ притомъ на одно колѣно, и какъ могу знать такіе строгіе законы? однакожъ не могу въ оправданіе себѣ прибѣжище брать и къ моему невѣденію. Меня, государыня моя, завело сюда глубокое размышленіе; удивленіе меня здѣсь остановило, и еще нѣчто велитъ желать мнѣ лучше умереть, нежели сего удовольствія лишиться. Ерихъ говорилъ съ такою живостію, и его униженные и почтительные поступки были съ такою чувствительностію и нѣжностію

смешаны, что весталка сама почувствовала нѣкоторую склонность, и смотря на него съ прїятною величественностїю, вскричала: „ бѣги, уйди, пока есть „ время, и пока мои подруги не „ придутъ; но не хвались ни- „ когда, что *Ирмензулову* жри- „ цу видѣлъ. „

При сихъ словахъ обратилась она къ капищу, и убѣжала съ подругою своею изъ его глазъ, оставя его въ совершенной неволи любви. Невозможность ее опять увидѣть припудила его тотъ лѣсъ оставить. Онъ возвратился въ посольской домъ, и заперся въ своей палаткѣ, объятъ будучи чувствительнѣйшею печалїю. Онъ сожалѣлъ, для чего онъ не съ войскомъ, чтобъ возмочь тѣмъ дядю своего

и сїю любезную весталку изъ варварскихъ рукъ избавить. Онъ во всю ночь глазъ своихъ сомкнуть не могъ. Прекрасная весталка представлялась его мыслямъ, и не давала ему ни малѣйшиго покоя. Онъ боялся, чтобы столь много прелестей изъ суевѣрїя вѣчно идолослуженїю назначено не было, и принялъ намѣренїе оныя отъ того освободить. Притомъ приписывалъ онъ стремительность своей весталки больше тому, чтобъ его при ней не увидѣли, нежели сколько ревности ея къ законамъ. Онъ почиталъ ее великодушною, думая, что когда она во власти своей имѣла подвергнуть его строгости законовъ, однакожъ того не учинила; то увѣрялъ себя, что

не много труда ему будетЪ склонить ее кЪ оставленію своего состоянія. НаконецЪ онЪ заключилЪ, что когда КарлЪ Великій силою своего оружія побѣдитЪ СаксонцовЪ; то ему удобно будетЪ найти свою любезную.

Но вЪ то время, какЪ онЪ такимЪ образомЪ вЪ размышленіяхЪ о намѣреніи своемЪ упражнялся; то раждающаяся его любовь воспламеняла его сердце. Весталка также не меньше его находилась вЪ безпокойствѣ. ЕриховЪ взорЪ плѣнилЪ то сердце, которое ВитекиндЪ напрасно старался побѣдить. Ревностныя преслѣдованія сего Короля принудили ее искать себѣ покровительства отЪ его насильствЪ вЪ *Ирмензуловѣ* хра-

мъ между весталками. Она была въ немъ не токмо обезопасена отъ тѣхъ страстей, кои бы она въ другихъ возбудить могла, но и отъ тѣхъ, которыя бы ея сердцемъ овладѣть могли. Она жила въ такомъ спокойствіи, которое даетъ непорочность до сихъ поръ, пока чрезъ сей нечаянной случай и замѣшательство она не почувствовала перемѣну въ своемъ сердцѣ. Бывшая съ нею подруга, которую она больше всѣхъ любила, знала одна только о семъ. Послѣ того, когда онѣ пришли уже домой, она открылась ей искренно во всемъ: любезная Тиринда, говорила она ей, ты видѣла сколь была я возмущена узрѣвъ того незнакомаго; но что бы я дѣлать принуждена

была, ежели бы иной кто, а не ты была свидѣтелемъ моего смятенія, и отважности сего незнакомаго. Я признаюсь, продолжала она, что я о жизни его безпокоилась, и благодарю боговъ, что они вселили и тебѣ о немъ сожалѣніе; я сама могла бы возвысить голосъ къ поданію намъ помощи, и предать его въ руки стражей; но не знаю какое то движеніе, которому я противиться не могла, удержало мои уста, для того, чтобы онъ могъ свободиться отъ ужасу. Но въ то время какъ сожалѣніе мое отъ всеконечной смерти его сохранило, излишнее его любопытство лишаетъ меня совершеннаго покоя моей жизни. О боги! продолжала она, не довольно ли вамъ было ли-

шить меня даровавшихЪ мнѣ жизнь? Вы хотите еще лишить меня и спокойствія моего. Сіи слова извлекли струи слезЪ изЪ ея очей; усердная Тиринда тщетно употребляла старанія кЪ утѣшенію ея. НаконецЪ неопіступность ея казалось обѣщала малой успѣхЪ. Она представляла ей, что любовь не имѣя предмета своего предЪ глазами, и не будучи увѣрена во взаимности, скоро по возпламененіи погаснуть можетЪ, и что разумЪ не отмѣнно самЪ преодолѣетЪ усиліе любви, естьли только она всегда ему послѣдовать обѣщается. И такЪ уговаривала ее наконецЪ столько, что она и сама надѣялась страсть сію со временемЪ изЪ памяти своей истребить. Но сколько ни стара-

лась она отдалить отъ мыслей своихъ того незнакомаго; однако препроводила всю ночь въ такомъ страстномъ напоминовенiи его прiятностей, что напослѣдокъ изъ того довольно сама познала, сколь сильно заразилъ онъ ея сердце. Язва сiя казалась ей неизцѣлимою. Между тѣмъ плѣненный Ерихъ съ нетерпѣливостiю ожидалъ того часа, въ которой ласкался получить при свиданiи съ главнымъ жрецомъ способъ любезную свою весталку увидѣть. Едва только златовидная колесница солнца прешла первую черту горизонта и яркiй лучь онаго освѣтилъ помраченные нощiю предметы, Ерихъ устремился къ назначенному мѣсту. Жрецъ уже дожидался его тамъ. Онъ встрѣтилъ

его съ радостїю, которая на лицѣ его довольно видна была, и обнявши его говорилъ: любезный Принцъ! предвѣщанїе моего сердца меня не обмануло, когда я думалъ, что твое присутствїе всѣ несчастїя мои окончаетъ. Небо возвратило мнѣ часть того, чего я лишенъ былъ, съ тою надеждою, что я и прочее найду. Послѣ сего увидя, что онъ нетерпѣливо желаетъ слышать истолкованїе онаго, повелъ его въ тайной притворъ, куда никто входить не дерзалъ. Онъ началъ въ удовольствїе его слѣдующую о себѣ повѣсть.

ИСТОРІЯ
О
КЛОДОМАКѢ

Ежели тебѣ, любезной Принцъ, по порядку несчастіи мои и настоящее состояніе сердца моего открыть; то принужденъ я начало исторіи моей взять отъ временъ гораздо далеко предварившихъ твое рожденіе и описать подробнѣе Норвежской дворъ.

Арольдъ, нынѣ владѣющій Король, твой отецъ, и я жили мы всѣ трое, какъ Принцы Царской крови, при жизни покойнаго Короля въ тѣсной дружбѣ; и какъ Арольдъ старшій былъ изъ насъ, и мы не сумнѣвались, что онъ со временемъ нашимъ Госу-

дарем҃ будет҃, потому что Король ближе его наслѣдника не имѣл҃: то старались мы, как҃ можно, его любовь к҃ себѣ получить. Он҃ был҃ веселаго нрава, любил҃ забавы; а мы в҃ угодность ему учреждали ежедневно новыя утѣхи, которыя Друнтеймской двор҃, то есть, нашу резиденцїю славнѣйшею в҃ Сѣверной странѣ дѣлали.

Принцесса Урисберта, Ерихова сестра, и Принцесса Гилдегарда моя сестра, а твоя мать были по своей удивительной красотѣ чудом҃ свѣта; онѣ были стольже между собою согласны, сколько я и Ерих҃, твой отец҃. Нам҃ всегда можно было их҃ видѣть и откровенно с҃ ними разговаривать. Удивленїе их҃ безпримѣрным҃ качествам҃ и ува-

женіе мое къ Урисбертѣ, а Ерихово къ Гилдегардѣ, которое они въ насъ вложили, нечувствительно довело насъ до нѣжной къ нимъ страсти. Мы не скрыли другъ отъ друга безпокойства нашихъ сердецъ, и обѣщались одинъ другому съ полнымъ удовольствіемъ чрезъ сей двоякой союзъ дружбу нашу утвердить, а притомъ равныя старанія одному о другомъ у любезныхъ Принцессъ нашихъ прилагать, и Ериху чрезъ меня, а мнѣ чрезъ него любовь нашу обьявить. Не трудно было получить взаимную любовь: Гилдегарда отвѣтствовала предложеніямъ моимъ видомъ должнаго мнѣ послушанія въ избраніи ея сердцу предмета; и напротивъ того я съ радостію отъ Ериха

услышалъ, что и ко мнѣ Принцесса Урисберта не меньше склонна. Ежели тебѣ сила любви извѣстна, дражайшій Принцъ, то ты представишь себѣ безъ труда то великое удовольствіе, которое мы отъ сего извѣстія почувствовали. Урисберта и Гилдегарда будучи обѣ любви достойны и ввѣряя другъ другу склонности свои, обнадеживали насъ одна чрезъ другую общимъ нашимъ счастіемъ, и стали скоро потомъ довольно смѣлы, такъ что насъ самихъ въ томъ удостовѣряли. Между тѣмъ Арольдъ имѣлъ только перемѣнную любовь, не избирая единственнаго себѣ предмета. Онъ и намъ часто говаривалъ, что онъ ничего такъ не боится, какъ видѣть насъ подъ игомъ супружества, думая,

что за таковыми союзами непремѣнно уменшенїе дружбы послѣдуетъ; мы слыша сїе намѣревались любовь нашу прежде не открывать, пока онъ сердца своего также не покоритъ истинной любви, довольно зная, что какъ государственная, такъ и его собственная польза отъ него требуетъ, чтобъ онъ предъ Королевскою смертїю, которому глубокая старость и слабость тѣла предвозвѣщали уже близкой конецъ, вступилъ въ супружескїя узы.

Хотя наша великая любовь сїе продолженїе съ досадою сносить насъ принуждала; однакожъ боясь, чтобъ не потерять благосклонности такого Принца, котораго мы совершенную дружбу получить желали, когда

онъ надъ нами власть имѣть будетъ, мы преодолѣли нашу нетерпѣливость, и принудили себя къ глубокому молчанїю о томъ прїятномъ согласїи, которое между нами было. Мы еще не больше мѣсяца въ такомъ состоянїи жили, какъ Окстфорская Принцесса Фридерика въ Друнтеймъ прїѣхала. Она была недальняя родственница Королю, которой для того и желалъ, чтобъ ее Арольдъ супругою себѣ избралъ, и просилъ Окстфорскаго Князя, ея отца, чтобъ ее прислалъ ко двору его. Мы получили предписанїе принять ее съ великолѣпїемъ. Ерихъ и я надѣялись, что сїя Принцесса Арольда плѣнитъ, и тѣмъ дастъ намъ примѣръ основательнаго союза. Мы рѣшились вымышлять

многїя веселости, чтобЪ день ея прибытїя торжественно препроводить. Равнымъ образомЪ и Принцессы Уризберта, и Гилдегарда употребляли всю, что имЪ искуство подавало кЪ умноженїю сїянїя ихЪ красоты, и никогда пышнѣе того дворЪ нашЪ не бывалЪ. Но по непостижимой судьбѣ показались Арольду Принцессы сестры наши, которымЪ онЪ до сего одно только почтенїе оказывалЪ, столь прекрасными вЪ своемЪ уборѣ, что онЪ глазамЪ своимЪ вЪ ту только минуту открытымЪ быть чаялЪ; и по моему несчастїю Урисберта имѣла честь вольность его плѣнить. Я его столько любилЪ, что не могЪ чувствовать ревности. Безпрестанныя похвалы, которыя онЪ во

весь тотъ день ей приписывалъ, меня только безпокоили; я получилъ съ того времени провѣщанiе тѣхъ несчастiй, которыя мнѣ послѣ того приключились. Между тѣмъ скрывалъ я страхъ мой и подозрѣнiе, сколько мнѣ возможно было. Принцессы сѣли въ провожанiи всѣхъ придворныхъ госпожъ въ коляски, чтобъ Фридерикѣ на встрѣчу ѣхать. Арольдъ, Ерихъ, и я такъ, какъ должно кавалерамъ, сидѣли на лошадяхъ. Принцъ не отъѣзжалъ отъ Урисбертиной коляски во всю дорогу, и разговаривая съ нею лишилъ меня чрезъ то свободы съ нею говорить. Я не могъ больше ревность мою удерживать; подъѣхалъ къ нему и говорилъ съ принужденнымъ прiятствомъ: вы не помы-

шляете о томъ, милостивый государь, что Оксфортская Принцесса одна въ васъ то возбудить должна, что вы прекрасной Урисбертѣ открываете.

Я не знаю примѣтилъ ли онъ въ лицѣ моемъ, не смотря на то принужденіе, которое себѣ я сдѣлать чаялъ, часть того, что въ сердцѣ моемъ происходило; но только посмотрѣвъ на меня весьма пристально отвѣчалъ суровымъ образомъ: я не противлюсь тебѣ, Клодомакъ, Фридерику утѣшать о той холодности, которую я всегда къ ней имѣлъ; только запрещаю ту любовь хулить, которую я до гроба къ прекрасной Урисбертѣ содержать буду. Сіи слова были мнѣ громовымъ уда-

ромъ, и мое отчаяніе стало столь сильно, чтобы я оному совершенно предался, ежели бы Принца Ериха притомъ не было. Онъ подъѣхалъ къ намъ въ самое то время, какъ Арольдъ помянутыя слова выговаривалъ, и погналъ лошадь свою съ такою силою между мною и Принцомъ, притворясь, будто ее удержать не могъ, что насъ тѣмъ принудилъ разъѣхаться врозь, и меня симъ способомъ обязалъ скрыть мою чувствительность въ моемъ сердцѣ.

Онъ сказалъ мнѣ, какъ я отъ коляски сестры его отъѣхалъ, что онъ Арольдову любовь къ ней примѣтилъ. Но дражайшій Клодомакъ, онъ говорилъ мнѣ притомъ, сія любовь

очень скора и за тѣмъ долго пылать не можетъ. Фридерика прїѣдетъ, и прогонитъ твое безпокойство. Но чтобъ тебя болѣе увѣрить, я тебѣ за сестру мою клянусь, и прошу, надѣйся на мое слово, что она никому кромѣ тебя не достанется. Сїи слова меня успокоили. Онъ желая совершенно извлечь меня изъ моего огорченїя и привесть меня къ разуму, которой меня почти оставилъ, изображалъ мнѣ паки нравъ сего Принца, говоря что онъ ни въ чемъ удовольствїя и увеселенїя не имѣетъ, пока ему въ томъ не прекословятъ; и ежели я хочу знать, при чемъ я долженъ остаться, то надлежитъ мнѣ ему въ томъ не противиться. Онъ почтетъ то себѣ за честь, чтобъ

меня лишитъ сердца, какъ скоро сведаетъ, что я Урисберту люблю; а напротивъ того, когда мы оба его поступкамъ противостоять не будемъ, и стараться станемъ Фридерикѣ прилѣжно услуги казать, то тотъ часъ перемѣнитъ свои мысли и предпріиметъ нашему успѣху противиться, завидуя, чтобъ кто нибудь изъ насъ двухъ въ склонности ея не былъ счастливъ. Я хотя не въ такомъ состояніи былъ, чтобъ съ симъ предложеніемъ согласиться могъ, однакожъ принужденъ былъ дать мѣсто увѣщаніямъ моего друга и обѣщалъ разумнѣе поступать. При окончаніи сего нашего разговора увидѣли мы Оксфортской Принцессы коляску. Мы отдѣлились отъ свиты

нашей, чтобъ прежде всѣхъ ее поздравить. Арольдъ видя наше старанїе и сверхъ того не доволенъ будучи тѣмъ видомъ, съ какимъ Урисберта любовныя слова его принимала, послѣдовалъ намъ съ прочими господами. Фридерикина коляска остановилась, какъ скоро насъ приближающихся увидѣли. Причемъ сошли мы трое, Арольдъ, Ерихъ и я ей на встрѣчу. Она ни одного изъ насъ не знала, и не вѣдаю по какому ложному мнѣнїю меня за Принца Арольда почетши, на одного только меня взгляды свои оборотила, и я принялъ отъ нее приготовленное для Арольда привѣтствїе.

„Никакое счастїе, говорила „она мнѣ, больше моего, милос„тивый государь, быть не мо-

„жетъ. Одна должность и по-
„виновенїе привели меня сюда.
„Но я вижу съ неменьшею ра-
„достїю, что склонность моя
„безъ противности съ оными
„соединится.„ Чрезъ сїи слова
узнавъ ея неведенїе, старался
я ее безъ пристыденїя изъ того
вывесть, и поклонившись ей съ
глубокимъ почтенїемъ, отвечалъ:
Принцъ Арольдъ, милостивая го-
сударыня, будетъ гораздо щаст-
ливее вашей судьбы свою почи-
тать, потому что счастїе воз-
ложить корону на главу пре-
краснейшей въ свете Принцессы,
ни съ чемъ сравниться не мо-
жетъ. Я при сихъ словахъ ука-
залъ ей на Принца, которой
тогда подошелъ къ ней. Я при-
нялъ Урисберту изъ коляски,
которую услугу Принцъ Ерижъ

такжѣ Гилдегардѣ показалъ; но я примѣтилъ, что Фридерикино лице покрылось румянцемъ, и чрезвычайная печаль въ глазахъ ея видна была. Я не сомнѣвался, чтобы стыдъ своей ошибки не былъ тому причиною, и больше того не примѣчалъ, но смотрѣлъ только на Арольдовы поступки съ Принцессою. Урисберта, которую я къ Принцессиной колясkѣ привелъ, была очень примѣчательна; но по другой причинѣ. Ерихъ будучи при учиненномъ мнѣ отъ Фридерики пріемѣ, смѣялся тому съ нею. Но его прекрасная сестра о томъ не мало безпокоилась, и смотря весьма печально на брата своего говорила: это все худое предзнаменованіе, и я боюсь, чтобы въ то

время, какъ Арольдъ меня за Оксфортскую Принцессу почитать будетъ, она также Клодомаку вмѣсто меня не предпріяла нравиться.

При окончанiи сихъ словъ я къ нимъ пришелъ и увидѣлъ, что Ерихъ смѣется. Я просилъ его сказать мнѣ тому причину, но мы уже такъ близко подошли къ Фридерикѣ, которая къ Принцессамъ на встрѣчу шла, что мнѣ не возможно было отъ него тому изъясненiя получить Арольдъ подалъ ей руку на нее не смотря, а она съ своей стороны не отмѣннѣе съ нимъ поступила, и какъ бы съ простымъ придворнымъ; но больше смотрѣла на Урисберту и на меня. Они подошли другъ ко дружкѣ съ такою холодностiю,

которая многихъ думать заставила, что имъ досадно другъ дружку столь прекрасными видѣть. Ето правда, любезной Принцъ, что по моему разсужденію никакая женщина съ каждою изъ нихъ сравниться не могла. Хотя Фридерика въ лицѣ своемъ нѣчто гордое имѣла; однако же признаюсь, надобно было уже нечувственное сердце имѣть; ежели кто отъ прелестей ея хотѣлъ сохранить оное.

Между тѣмъ поздравляли Принцессы дружка дружку; Гилдегарда имѣла великое счастіе въ тѣхъ похвалахъ, кои столь многимъ въ трехъ персонахъ собраннымъ достоинствамъ приписывали. Фридерика показывала сестрѣ моей больше дружбы, нежели Урисбертѣ. Онѣ обѣ

сѣли въ ея коляску. И Принцъ Арольдъ принужденъ будучи съ Окстфортскою Принцессою разговаривать, далъ намъ чрезъ то свободу временемъ говорить съ нашими любовницами. Но разговоры наши касались только до постороннихъ вещей. Фридерика такъ прилѣжно за нами примѣчала, что мы не смѣли отважиться по склонности нашей поступать. Ея разговоры съ Принцомъ были не больше важны, и никогда не можетъ быть разговоръ непрїятнѣе и не согласнѣе, каковъ былъ нашъ до прїѣзу во дворецъ, гдѣ насъ Король съ оставшими обоего пола знатными особами ожидалъ.

Тотъ день препровожденъ былъ поздравленїями. Какъ пришло время разъѣзжаться, тогда

сыскалъ я съ Ерихомъ случай итти въ Урисбертины покои, гдѣ она съ Гилдегардою была одна. Мы увидѣли ихъ весьма печальными, и мнѣ показалось нѣсколько капель слезъ на лицѣ моей Принцессы. Я спрашивалъ съ великою нетерпѣливостїю о причинѣ оныхъ, и показалъ ей безпокойство свое о Принцевой къ ней любви. Она отвѣчала мнѣ съ жалостнымъ взглядомъ: тебѣ нѣчего бояться, любезной Принцъ, всѣ короны всего свѣта недостаточны у меня въ забвенїе привести того, въ чемъ я Клодомаку обѣщалась. Но въ тебѣ Арольдъ Принцъ единымъ Фридерикинымъ взглядомъ можетъ истребить того памятованїе, чѣмъ ты вѣрной Урисбертѣ обязанъ.

Сïе ревнивое сомнѣнïе дало мнѣ знать весьма ясно о всемъ. Но не хотя, чтобъ оное въ сердцѣ ея вкоренилось, я старался ее увѣрить, что я никакого намѣренïя въ разсужденïи Окстфорской Принцессы не имѣлъ, и что всѣ силы употреблю бракъ ея съ Арольдомъ окончать. Сего я тѣмъ больше надѣюсь, что Фридерикины слова ко мнѣ, любовь ея больше къ нему доказывали. Сïе ни что иное доказываетъ, отвѣчала она чувствительно, какъ только, что она желаетъ, чтобы ты былъ Арольдомъ, и ей досадно, что ты не имъ.

Любезной Клодомакъ, говорилъ мнѣ потомъ Ерихъ, увидя, что я задумался: Урисбертино

мнѣніе правильно, Фридерикино сердце изьяснилось тебѣ въ то время, какъ Арольдъ тебя въ разсужденіи сестры моей ревновать заставлялъ. Окстфортская Принцесса чрезъ отмѣнное благопривѣтствіе къ тебѣ не больше подозрительна въ ея мысляхъ, какъ и ты: однакожъ оставьте обое ваше безпокойство, вы любите другъ друга; слѣдовательно ни о чемъ больше помышлять не должны, какъ только стараться взаимныя свидѣтельства любви вашей оказывать, и обще о вашемъ совершенномъ счастіи имѣть попеченіе. А для полученія того надлежитъ тебѣ себя принудить, сколько Урисберта того ни боится, и услуги твоей Фридерикѣ съ поспѣшностію продолжать, дабы

чрезъ то Арольда безпокоить. Я знаю нравъ его; какъ скоро онъ старается себя пріятнымъ сдѣлать, то онъ умѣетъ; разумъ его проницателенъ; онъ безъ сомнѣнія примѣтитъ твое безпокойство при разговорахъ его съ моею сестрою, и потомъ тайно будетъ веселиться тѣмъ, что оное умножится. И такъ послѣдуйте моему совѣту, и повѣрьте, что когда ему Урисберта откажетъ; а тебя у Фридерики въ благосклонности онъ увидитъ: то не долго медлить будетъ на ея сторону предаться.

Урисберта не согласилась на сей совѣтъ, и мнѣ оной не больше былъ угоденъ. Я занимался только словами Урисбертиными, которыя она мнѣ съ уныніемъ произнесла, и я ви-

нилъ себя въ томъ , что при встрѣчѣ показалъ Фридерикъ мою преданность; и поелику къ Ериховой сестрѣ почтенїе мое соединялось, то особа, которая другую любовь въ меня вложить хотѣла, казалась мнѣ того недостойною. Сколько Гилдегарда и онъ мнѣ ни говорилъ; однако я держался Урисбертиной стороны, и клялся никогда для счастїя своего на такое противное средство не отваживаться.

Ерихъ сказалъ, что онъ меня противъ моей воли сдѣлать хочетъ счастливымъ. И такъ мы разошлись, не принявъ никакихъ другихъ мѣръ. Я препроводилъ ту ночь въ безпокойствѣ , да и послѣдующїй день не больше удовольствїя мнѣ принесъ. Я не могъ Урисберту ин-

дѣ видѣть, какъ только у Фридерики, куда я съ прочими приходилъ. Собранїе тамъ бывало великое, потому что ее уже всѣ за Королеву почитали. Король пришелъ не задолго до меня и разговаривалъ съ Фридерикою особливо; а Принцъ Арольдъ пользуяся симъ случаемъ, говорилъ не отступно съ Ериховою сестрою. Я не могу изъяснить, что я во время ихъ разговора претерпѣвалъ. Король скоро потомъ вышелъ; а Фридерика пришедъ опять въ собранїе кликнула Гилдегарду, и посадила подлѣ себя. Ерихъ стоялъ позади ихъ; онѣ говорили нѣсколько времени тихо. Послѣ чего призвала меня Фридерика къ себѣ, и смотря пристально на меня говорила усмѣхаясь:

Клодомакъ! я имѣла причину желать, чтобъ ты былъ Арольдъ, для того, что ты мнѣ одинъ при семъ собранiи понравился, а Ерихъ ни на кого не смотрѣлъ, кромѣ Гилдегарды; и такъ мнѣ и тебѣ была бы великая досада время въ скукѣ препровождать, ежели бы мы только были смотрителями ихъ любовныхъ поступокъ.

Ето правда, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ я ей, я долженъ былъ изъявить вамъ преданность; однакожъ вамъ не надлежитъ то такъ далеко понимать въ разсужденiи нѣжности чувствiй. Наилучшiй способъ къ прогнанiю скучныхъ часовъ состоитъ въ одномъ только старанiи, чтобъ вамъ возложена была на главу корона. Сiя честь при-

надлежитъ только Принцу Арольду. Но Клодомакъ долженъ всегда вести жизнь свою въ званіи вашего вѣрнѣйшаго подданнаго.

Изрядно, отвѣчала она нѣсколько гордо, я послѣдую твоему совѣту, и желаю владѣть. Я былъ въ великомъ страхѣ и не зналъ, что отвѣчать, какъ Арольдъ къ намъ пришелъ. Я не знаю досада ли о Урисбертиномъ презреніи, или ревность о той дружбѣ, которую мнѣ Фридерика показывала, причиною были, что онъ подлинно возъимѣлъ зависть оную пресѣчь.

Я во весь тотъ день изъ собранія уже не выходилъ. Урисберта окружена была въ то время такимъ множествомъ людей, что мнѣ не возможно было

съ нею говорить. Но я не хочу тебѣ, Принцъ, пространно описывать мое мученїе, которое я отъ любви и ревности претерпѣвалъ; а скажу только, что я въ четыре дни ни сей Принцессы, ни сестры не могъ найти. И когда ихъ видѣть хотѣлъ, то принужденъ былъ итти къ Фридерикѣ, отъ которой онѣ не отходили. Я примѣтилъ притомъ, что меня Арольдъ съ великою холодностїю принималъ, а Ерихъ отъ меня удалялся.

Отчаянїе овладѣло моимъ сердцемъ, которомубъ я позволилъ себя конечно къ худому слѣдствїю склонить, ежели бы въ пятой день Принцъ Ерихъ съ такою мыслїю ко мнѣ не пришелъ, которая все безпокойство мое прогнать сильна была. Дра-

жайшїй Клодомакъ, говорилъ онъ мнѣ, обнявъ меня, прости мнѣ мои противъ тебя оказанные поступки; они были для счастїя нашего весьма нужны. Урисберта, Гилдегарда и я старались соединенными силами Принца увѣрить, что ты Фридерику любишь, и что сїя о его къ ней холодности, разгнѣванная Принцесса съ нѣкоторою склонностью слушаетъ твои предложенїя. Нашъ обманъ получитъ свои дѣйствїя. Арольдъ ревнуя своему праву, которое имѣетъ онъ надъ Фридерикинымъ сердцемъ, возвратилъ свое изъ плѣну моей сестры, разсмотрѣлъ Принцессины прелести прилѣжнѣе и чрезъ то подлинно въ нее влюбился. Онъ уже и Короля просилъ бракъ его скорѣе окончать.

Обряды къ тому уже готовы, и я заклинаю тебя именемъ Урисберты себя еще до скончанія брака одолѣвать. Надобно имѣть такую любовь и тѣже обстоятельства, какія имѣлъ я, ежели кто ту радость понять хочетъ, которую сія вѣдомость во мнѣ произвела. Я Ериху за то искренне благодарилъ и обѣщалъ ему все, чего онъ отъ меня требовалъ. Мы пошли оба къ Королю, гдѣ я получилъ подтвержденіе слышаннаго. Оттуда я пошелъ въ Фридерикины покои. Арольдъ былъ тамъ, и я притворился при поздравленіи его весьма невеселымъ. Принцъ почелъ то за огорченіе мое и радовался тайно тому, что онъ узналъ сокровенную сію причину; а Фридерика казалась мнѣ

о томъ чувствительною; наконецъ совершенъ былъ сей столь желаемый бракъ съ несказаннымъ великолѣпiемъ; мы были притомъ всѣ пребогато одѣты, и хотя народная радость была неописанна, однако моя оную далеко превосходила; между тѣмъ я оную еще скрывалъ, и оказывалъ до тѣхъ поръ мою притворную печаль, пока вышедъ изъ храма Арольдъ призвалъ меня къ себѣ и взявъ за руку сказалъ: Клодомакъ будетъ опять мнѣ другомъ. Я прощаю тебѣ то, что ты Фридерику любилъ, и ты прости мнѣ, что я Урисберту у тебя отнять хотѣлъ. Воспрiими прежнiе свои оковы, и въ забвенiе того женись на Ериховой сестрѣ и отдай ему свою.

Откровенность сего Принца возбудила паки дружбу мою къ нему. Я упалъ къ его ногамъ и признаваясь ему, что я никогда мыслей моихъ до Фридерики не простиралъ, приносилъ въ чувствительнѣйшихъ выраженїяхъ мою благодарность за позволенїе жениться мнѣ на Урисбертѣ. Онъ не старался много меня уже обнадеживать, однако показывалъ великое благоснисхожденїе. Ты можешь, любезной Принцъ, легко себѣ представить, что мы не долго медлили сїе позволенїе въ пользу себѣ употребить. Союзъ сей мое и Ерихово счастїе на высочайшую степень возвести долженствовалъ. Мы соединились чрезъ нѣсколько дней послѣ Арольдова брака на вѣки съ нашими Принцессами. Я на-

чалъ съ нимъ продолжать прежнюю дружбу. Но какъ подлинно Принцъ свою супругу любилъ и отъ природы къ ревности былъ склоненъ: то я примѣтилъ, что онъ разговора нашего терпѣть не могъ. Для того я намѣрился съ Урисбертою на нѣсколько времени отъ двора отлучиться въ Бергенъ, для исправленія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ въ разсужденіи находившихся тамъ моихъ владѣній. Я представилъ Принцу сіе для меня необходимымъ, и просилъ о позволеніи на нѣсколько мѣсяцовъ туда ѣхать. Онъ мнѣ позволилъ, и я примѣтилъ, что еще съ немалымъ удовольствіемъ. Гилдегарда и Ерихъ о томъ сожалѣли; но и они также видя сколько нужно было у Принца его подо-

зрѣніе истребить, не осуждали моего намѣренія: разставаніе наше было весьма чувствительно; потому что Урисберта и Гилдегарда любили другъ дружку столь сильно, сколько мы другъ друга съ Ерихомъ.

Такимъ образомъ вступили мы въ путь свой и пріѣхали въ Бергенъ, гдѣ жизнь наша по причинѣ спокойствія мыслей, которыя мы тамъ имѣли, столь пріятною намъ показалась, что вмѣсто четырехъ мѣсяцовъ, какъ думали, цѣлые четыре года тамъ прожили; и всегда день отъ дня отъѣздъ нашъ отсрочивали.

Между тѣмъ произвела тебя Гилдегарда на свѣтъ, а моя любезная Урисберта была нѣсколько разъ родительницею; но

не имѣя радости рожденныхъ дѣтей видѣть въ жизни, наконецъ разрѣшилась отъ бремени дочерью, въ четвертой годъ по прiѣздѣ нашемъ въ Бергенъ. Сiя дочь намъ тѣмъ любезнѣе была, что она по смерти другихъ дѣтей оставалась единымъ плодомъ нашего супружества.

Урисберта думая, что въ Бергенѣ воздухъ дѣтямъ нашимъ вредителенъ, просила меня возвратиться въ Друнстеймъ. Гилдегарда и Ерихъ давно уже того желали; да и самъ Арольдъ склонилъ меня къ тому такимъ образомъ, которой вѣрить меня заставлялъ, что его четырехлѣтнее супружество отъ подозрѣнiя его изцѣлилось. Всѣ сiи причины побудили меня Бергенъ оставить; какъ скоро Урисбер-

та безъ вреда путь предпрїятъ въ состоянїе пришла. Мы назвали дочь нашу Гилдегардою по любви къ моей сестрѣ, которая съ удовольствїемъ желала васъ воспитать вмѣстѣ, для того что наше намѣренїе было со временемъ васъ совокупить тѣмижъ оковами, которые насъ соединяли, дабы чрезъ то такъ какъ наслѣдникамъ нашимъ оставить наше имѣнїе и дружбу. Но при возвращенїи нашемъ въ Арунстеймъ не нашли мы ничего, кромѣ бѣдствїя, слезъ и воздыханїй, которымъ смерть по двунедѣльной болѣзни Принца Ериха, твоего отца, была причиною.

Гилдегарда была не утѣшна. Арольдъ двѣ недѣли препроводилъ въ печали объ Ерихѣ, и весь дворъ оплакивалъ его лише-

нїе. Урисберта не оставляла уже сестру мою; а я крайне старался ей чувствительную печаль мою засвидѣтельствовать. Сїе несчастїе сдѣлало намъ худое предвозвѣщанїе. Ужасная тоска безпокоила сердца наши: и намъ было жаль, не зная для чечо, что мы Бергенъ оставили. Принцесса Фридерика также показывала намъ чрезвычайное сожалѣнїе; а Принцъ столько почтенїя оказывалъ, что мы за малую благодарность нашу сами на себя досадовали. Пока еще мы въ такомъ состоянїи были, то и Король окончилъ свою жизнь, оставивъ престолъ и корону; и хотя все то по праву одному только Принцу Арольду принадлежало, однакожъ сдѣлалось между знатными не-

согласіе, которое ему причину подало бояться, что сіе государство раздѣлить хотятъ. Самой Государственной совѣтъ противился Арольдову коронованію. Уже публикованъ былъ запретительной указъ, чтобъ до тѣхъ поръ Короля не выбирать, пока Штаты соберутся и приговоръ утвердятъ.

Я будучи въ превеликомъ огорченіи на ихъ невѣрность, собралъ къ защищенію Арольда нѣсколько войска, осадилъ съ ними дворецъ, гдѣ знатные Штаты собрались, и побѣдилъ первыхъ, которые обороняться хотѣли. Да и прочимъ грозилъ смертію, ежели они тотъ часъ Принца Арольда не объявятъ Королемъ Норвежскимъ. Я оставилъ часть моего войска охра-

нять взятое, а съ прочими пошелъ къ Принцовымъ покоямъ. Принцъ ничего не зналъ, что дѣлалось, и ожидалъ рѣшенія Государственнаго совѣта. Я посадилъ его на лошадь, ввелъ въ средину войска моего, и повезъ въ храмъ при безпрестанныхъ восклицаніяхъ: *да здравствуетъ Король Арольдъ.* Ободренный народъ тожъ дѣлалъ. Итакъ главный жрецъ предъ радостнымъ восклицаніемъ солдатъ и народа короновалъ Арольда, и облачивъ въ Королевское одѣяніе посадилъ его въ торжественную колесницу, которая везена назадъ во дворецъ съ тоюжъ народною радостію.

Потомъ пошелъ я въ Государственное собраніе, которому о семъ смѣломъ дѣлѣ донесено

было. Они вышли мнѣ на встрѣчу, и просили, чтобъ я безопасно довелъ ихъ къ Королю и защитилъ отъ народнаго руганія.

Я сдѣлалъ то, чего они требовали. Новой Король показывая первую свою милость, притворился будто вѣритъ, что они о Государственной пользѣ стараться хотѣли. И чрезъ то увидѣлъ себя въ одинъ день въ величествѣ своемъ столь утвержденна, какъ бы уже нѣсколько лѣтъ владѣлъ. Ничто съ тѣмъ благопріятствомъ сравниться не можетъ, кое онъ мнѣ оказывалъ, и никакой чести больше той быть не возможно, какую я отъ Королевы получалъ. Казалось, будто супруга моя и сестра перьвыя ея прія-

тельницы были. Чтобы я ни захотѣлъ, на все Король и Королева были согласны. Такимъ образомъ препроводилъ я семь или восемь мѣсяцовъ, въ которое время милость ихъ ко мнѣ безпрестанно умножалась. Но увы! сїя милость скоро перемѣнилась слѣдующимъ случаемъ. При возвращенїи моемъ въ вечеру отъ Короля въ мой покой, подалъ мнѣ драбантъ письмо, и самъ тотъ часъ скрылся. Я пошелъ въ мою комнату и развернувъ хотѣлъ оное читать; но разсуди, какое было мое изумленїе и ужасъ, какъ я узналъ Королевину руку! Письмо сїе содержало въ себѣ все то, что сильнѣйшая любовь и страстнѣйшїя чувствованїя вложить могутъ. Я долго не зналъ, что съ

симЪ письмомЪ сдѣлать. Наконецъ рѣшился скрыть, притворяясь будто его не получалЪ; а особливо вознамѣрился отЪ Урисберты таить позорное Королевино желанїе.

Я при семЪ намѣренїи остался; но сїя страстная Принцесса присылала ко мнѣ многїя другїя письма. Ибо видя мое не перемѣнившееся кЪ себѣ почтенїе, она думала, что не отрекусь любить ее; она преступила уже всѣ границы чести и благопристойности, и вознамѣрилась меня сама о томЪ увѣдомить. ЧрезЪ нѣсколько времени случилось мнѣ итти изЪ Королевской комнаты, гдѣ онЪ по причинѣ своей небольшой болѣзни лежалЪ вЪ постелѣ. Она встрѣтилась со мною на дорогѣ, идучи вЪ свои покои,

и тотъ часъ подавъ мнѣ руку говорила: Клодомакъ, я хочу съ тобою говорить, отведи меня въ мои покои. Я принужденъ тебѣ, Принцъ, признаться, что меня сїи слова въ ужасъ привели. Я старался подъ видомъ важнаго Королевскаго приказа, которой мнѣ немедленно исполнить должно, отъ нее освободиться; но она ни на что не смотря принудила меня за собою итти съ тѣмъ обнадеживанїемъ, что не долго держать меня будетъ.

Всѣ придворныя госпожи были въ ея покояхъ. Мы пошли одни въ ея несчастной для меня кабинетъ; она велѣла мнѣ дверь заперѣть, и смотря пристально на меня говорила: не получалъ ли ты на сихъ дняхъ писемъ безъ под-

писи. Я хотѣвъ притвориться, казался изумленнымъ, и отвѣтствовалъ, что не получалъ. Ты меня обманываешь, говорила она, я подлинно въ томъ увѣрена, и имѣю тѣ мысли, которыхъ непремѣнно изьясненіе тебѣ хотѣла дать. Сими словами будучи принужденъ признаться, я отвѣчалъ, что я не вѣрилъ, чтобъето была правда. Я получалъ нѣсколько писемъ тайно; но не знаю, кто имѣетъ забаву со мною говорить о томъ, чего я, какъ та особа увѣрена быть можетъ, не разумѣю. Развѣ не хочешь разумѣть, неблагодарной, говорила она съ жаромъ; не помнишь ли ты, что я по пріѣздѣ моемъ сюда тебя почла за Арольда, и съ того времени всегда желала, чтобы ты былъ на его

мѣстѣ? Вѣдай жестокой! теперь уже поздо притворяться. Я люблю тебя, и люблю съ того времени, какъ увидѣла тебя; я желала имѣть корону, но ежелибъ судьба тебя въ другой части свѣта Королемъ сдѣлала, то Фридерика не была бы никогда Норвежскою Королевою: отъ меня сїи письма, о которыхъ я говорю, и отъ тебя одного ожидаю всего удовольствїя моей жизни.

Ахъ! милостивая государыня, вскричалъ я: мнѣ кажется ужасенъ тотъ опытъ, которымъ вы хотите искусить вѣрность мою къ Королю. Можете ли вы признавать меня способнымъ къ такой беззаконной невѣрности, и возможно ли, чтобъ Арольдъ въ семъ намѣренїи участїе имѣлъ? Я не искушаю вѣрность твою,

отвѣчала она; не ищи такихъ вымысловъ къ презрѣнїю моей склонности, ты принужденъ меня любить, или умереть. Повели меня умертвить, говорилъ я мужественно, священной союзъ должности и любви держатъ мое сердце въ оковахъ; вы можете оное пронзить, но никогда владѣть имъ не можете. На сїе сказала она мнѣ въ ярости: поди, неблагодарной! и не кажись мнѣ никогда предъ глаза; ей не было нужды сїи слова повторять. Я отворилъ кабинетъ съ подобнымъ ей огорченїемъ, и стараясь скрыть мое смущенїе отъ другихъ, встрѣчавшихся мнѣ, пошелъ въ великомъ отчаянїи въ свои покои. Урисберта была у моей сестры, и я не зналъ что дѣлать; я думалъ больше часа

о томѣ, какѣ я попался вѣ кабинетѣ кѣ Фридерикѣ, и какѣ освободился отѣ сей Принцессы, которая званія сего столь недостойна была. Но вѣ то самое время взяли меня Королевскимѣ именемѣ подѣ стражу, и отвели вѣ крѣпость. Я тотѣ часѣ узналѣ, отѣ чего сіе происходило. Я вознамѣрился молчать и быть послушнымѣ и прежде умереть, нежели открыть такую тайность, которая какѣ Арольда, такѣ и его супругу стыдомѣ и безчестіемѣ покрытѣ можетѣ.

Присланной за мною офицерѣ служилѣ прежде вѣ моей командѣ; онѣ показывалѣ мнѣ чувствительное сожалѣніе, что принужденѣ Королевскую волю исполнить. И вѣ доказательство

того позволилъ мнѣ все то взять, чего я въ домѣ моемъ оставить не хотѣлъ. Но я того не принялъ и слѣдовалъ ему въ крѣпость, гдѣ комендатъ Араспъ не меньше въ ужасъ, какъ въ сожалѣніе приведенъ былъ; потому что онъ мнѣ долгое время былъ вѣренъ, и за сей важной чинъ мнѣ одному только благодарить долженствовалъ. Онъ не хотѣлъ меня отъ себя отпустить: далъ мнѣ комнату въ своемъ домѣ, и не смотря на всѣ мои сопротивленія, велѣлъ въ ней постель поставить, дабы чрезъ то меня всегда можно было ему утѣшать и разговаривать со мною. Онъ многажды спрашивалъ меня о причинѣ сего несчастія, и что я сдѣлалъ, чрезъ чтобы Арольдъ забыть могъ, что онъ мнѣ ко-

роною долженъ; но я постоянно пребывалъ въ моемъ намѣренїи, и отвѣчалъ что никакой вины не знаю, что преступленїе мое мнѣ не извѣстно, и что я ему весьма буду обязанъ, ежели онъ о томъ провѣдать можетъ и меня увѣдомитъ; притомъ просилъ я его Принцессѣ Урисбертѣ сказать, чтобы она не только не печалилась, но и не искала бы позволенїя меня посѣщать. Араспъ обѣщался мнѣ все вѣрно исправить, присовокупивъ, что онъ ничего жалѣть не будетъ для освобожденїя меня изъ сего мѣста, и на все отважится для моего избавленїя, ежели Король такъ далеко себя забудетъ, что гибели моей искать станетъ. Въ семъ намѣренїи пошелъ онъ во дворецъ, гдѣ всѣ о моемъ

заключенïи въ чрезмѣрномъ удивленiй и ужасѣ были, и уже вездѣ говорили, что я Королевиной чести насильство сдѣлать хотѣлъ, что я еще до брака въ нее влюбился, и двери тайнаго ея кабинета заперши, дабы никто войти не могъ, предлагалъ ей свои мысли; но какъ она кричать хотѣла, то будто я съ великою скоростïю въ безпокойномъ страхѣ ушелъ не говоря ни слова, и что въ самое то время сïя безутѣшная Принцесса съ распущенными власами и имѣя слѣзныя очи упала Королю въ ноги, и просила о отмщенïи за показанное ей безчестïе. Такимъ образомъ Арольдъ видя чувствительную Королевину печаль, велѣлъ меня взять подъ стражу, и клялся, что моему заключенïю

смерть непремѣнно послѣдовать будетъ. Араспъ все̂ сїе слышавъ, отдалъ мнѣ въ мысляхъ своихъ столько справедливостей, что ничему на вѣрилъ. Онъ былъ отъ меня во всемъ томъ повѣреннымъ, что прежде между Фридерикою, Урисбертою и мною происходило: но скрывая мысли свои, и видя, что за меня весьма не многїе говорили, самъ почелъ за трудное дѣло приносить мое оправданїе. Онъ вознамѣрился, дабы мнѣ чрезъ то лучше услужить совершеннымъ извѣстїемъ, показать видъ не благопрїятствующаго мнѣ и охуждающаго беззаконную мою дерзость. И для того пошелъ къ Королю, чтобъ показать ему свою вѣрность, и услышать его повелѣнїя. Тамъ увидѣлъ онъ Урисбер-

ту и твою мать, которыя обнявъ Королевскїя ноги объ одной милости просили, чтобъ онъ меня выслушалъ. Но Король былъ въ такой великой ярости, что вырвался изъ ихъ рукъ и смотря на нихъ со гнѣвомъ говорилъ, что мнѣ должно умѣреть, и ничто его склонить не можетъ къ отложенїю того. Я давно уже, продолжалъ онъ, увѣренъ о его отважныхъ желанїяхъ, и не хочу его видѣть, ни слушать. По сихъ словахъ онъ обратился къ Араспу съ приказомъ, чтобъ мнѣ объявить смертную казнь, и что на другой день мнѣ голова отрублена будетъ. При семъ безчеловѣчномъ приговорѣ умножился плачь Урисберты и Гилдегарды, такъ что часть придворныхъ отъ сожалѣ-

нія о ихъ отчаяніи къ Королевскимъ ногамъ упали и за меня просили. И какъ между ими многіе мнѣ подлинные друзья были; то отважились они сказать, что прежде, нежели моя прольется кровь, надлежитъ пролить много крови. Араспъ употребилъ въ пользу сіи смѣлыя угрозы, на которыя Король столь свирѣпымъ взоромъ отвѣчалъ, что въ ту же минуту, ни сказавъ ни слова, пошелъ въ свой тайной кабинетъ. Араспъ туда ему послѣдовалъ, и представлялъ, что сіе разуму противно, чтобъ меня публично казнить; потому что солдаты меня конечно защищать станутъ, и самой народъ къ возмущенію склонится. И такъ лучше будетъ для Его Величества, не назначивая дня, меня въ тюр-

мнѣ жизни лишить. Жаръ друзей моихъ утихнетъ, когда уже они смерть мою свѣдаютъ, и лишившись надежды моего избавленія оставятъ возмущеніе, которое имъ тогда ни къ чему служить не можетъ. Арольдъ такъ твердъ былъ въ положеніи мнѣ наказанія, и мщеніе такъ воспламенило нравъ его, что ему равно было, какъ бы я ни былъ лишенъ жизни, только бы отъ такого ненавидимаго соперника, по его мнѣнію, освободиться могъ: однакожъ согласился на Араспов совѣтъ, и похваливъ его осторожность, далъ ему власть смерть мою скрыть, или извѣстною сдѣлать. Урисберта была еще въ Королевскихъ покояхъ въ томъ намѣреніи, чтобъ съ Араспомъ говорить. И какъ

скоро онъ изъ кабинета вышелъ, тотъ часъ она къ нему подошла, и спрашивала не перемѣнился ли Король, и позволеноль ей меня видѣть? Вѣрной Араспъ, намѣреваясь принятой видъ свой еще продолжать, отвѣчалъ ей коротко, что Король опредѣлилъ меня судить, но притомъ ему запретилъ ни съ кѣмъ мнѣ говорить не допускать. Онъ съ сими словами ее оставилъ, боясь, чтобъ его сожалѣніе о чувствительной ея печали притворности его перемѣнить не принудило.

Не возможно изъяснить, сколь чувствительна была сія Принцесса, видя столько жестокости въ сердцѣ такого человѣка, которой чрезъ мою милость получилъ знатнѣйшій чинъ. Сіе

умноженіе ея мученій поразило ихъ такъ, что Гилдегарду замертво изъ дворца вынесли.

Но Арапъ не долго ей далъ быть въ семъ жалкомъ состояніи: онъ пришелъ въ вечеру одинъ, переодѣвшись въ другое платье, въ ея покои, и утѣшилъ нѣсколько безпокойство ея, открывъ свое намѣреніе, и давъ обѣщаніе, что она меня около полуночи увидитъ. Потомъ возвратился ко мнѣ, и неотступно просилъ, увѣдомя прежде меня о моемъ преступленіи и о намѣреніи казни, чтобъ я въ ту же ночь спасся бѣгомъ. Онъ былъ родомъ изъ Даніи и имѣлъ тамъ сродниковъ, любви въ коихъ къ себѣ былъ увѣренъ, и потому просилъ меня избрать у нихъ жилище; обнадеживая, что

и самъ ко мнѣ будетъ скоро, и мою жену и дочь съ собою привезетъ, какъ скоро слухъ о моей смерти Королю глаза закроетъ. Онъ говорилъ мнѣ, что у него въ тюрмѣ есть одинъ злодѣй, котораго посадитъ на мое мѣсто, и подъ моимъ платьемъ, и мнѣ приговоренную казнь учинитъ надъ нимъ; а я между тѣмъ въ другомъ платьѣ въ Данїю свободно могу отправиться. По причинѣ краткости времени, не видя инаго средства, принялъ я сїе предложенїе. Онъ приготовилъ всю къ тому потребное. И какъ уже всѣ предосторожности употреблены были для безопасности сего намѣренїя: то пришелъ онъ ко мнѣ опять и просилъ такъ неотступно открыться ему во всемъ, что я

не могъ отказать ему. Но прежде онъ принужденъ былъ мнѣ обѣщать никогда сїю бѣдственную тайну и никому не открывать, и даже Урисбертѣ не сказывать. Потомъ расказалъ я ему всю̂, что онъ знать хотѣлъ; а въ доказательство моихъ словъ показалъ я ему писанныя ко мнѣ отъ сей Принцессы письма, которыя тогда при себѣ имѣлъ. Онъ читалъ оныя съ крайнимъ изумленїемъ, и взялъ ихъ къ себѣ подъ тѣмъ видомъ, что я платье мое тому злодѣю оставить долженъ, которой вмѣсто меня умереть назначенъ. И такъ спряталъ онъ ихъ обѣщаясь мнѣ ихъ беречь. Онъ говорилъ мнѣ притомъ, что ежели Фридерика прежде Короля умретъ; то могутъ онѣ служить къ обли-

ченїю его несправедливости. Такимъ образомъ разговаривали мы, пока все̑ въ крѣпости въ глубокой тишинѣ погружено стало; потомъ свелъ меня Араспъ въ солдатскомъ платьѣ по потаенной лѣстницѣ внизъ, гдѣ караульному приказалъ отворить ворота ведущїя ко рву, чрезъ которой мостъ былъ опущенъ. Я примѣтилъ изъ молчанїя того караульнаго, что онъ то дѣло зналъ. И такъ мы перешли чрезъ мостъ. Вѣрной Араспъ провелъ меня многими мнѣ незнакомыми дорогами безъ малѣйшаго препятствїя въ мой домъ. Урисберта велѣла всѣмъ людямъ своимъ спать лечь, и ожидала меня съ одною кормилицею моей дочери, на которую она могла положиться. Мы обнимали другъ друга

много разъ; я увѣрялъ ее, что никогда о Королевѣ и не думалъ, что моя къ ней вѣрность не премѣнна и приписанное мнѣ преступленіе есть только льстивой Королевин обманъ и подлогъ, чтобъ какой нибудь видъ имѣть къ моей погибели. Мнѣ не много труда стоило ее въ томъ удостовѣрить; но тѣмъ больше трудно было удержать ее, чтобъ она со мною не ѣхала; однакожъ наконецъ мы уговорили ее остаться, представляя сколь нужно, чтобъ меня за лишеннаго жизни почли, дабы чрезъ то отвратить мое гоненіе и Араспово наказаніе. Комендатъ принуждалъ насъ къ разставанію, и вырвавъ меня изъ рукъ моей любезной Принцессы повелъ за городъ, гдѣ я нашелъ готовыхъ

лошадей съ тремя храбрѣйшими солдатами изъ тѣхъ, которые въ моей командѣ были, и которые провождали меня до Датскихъ границъ. Я уговорился съ Араспомъ назваться сродственникомъ его Коромамномъ, несчастнымъ офицеромъ Норвежскаго Короля, которой въ Датской службѣ быть и его тамъ ожидать хочетъ. Я имѣлъ отъ него письма, въ которыхъ онъ меня друзьямъ своимъ такъ изрядно рекомендовалъ, что мнѣ не было нужды употреблять много словъ для полученія отъ нихъ добраго прїему; и такимъ образомъ сѣлъ я на Датской границѣ въ корабль, и прїѣхалъ безъ всякаго приключенія въ сїе Королевство.

Поступки Арасповыхъ друзей совершенно были сходны съ его надеждою ; и ежели бы я имъ подлинное имя свое объявилъ, то и тогда бы не могъ требовать отъ нихъ больше чести и почтенія. Три мѣсяца жилъ я въ безпрестанномъ безпокойствіи о Араспѣ и Урисбертѣ; но наконецъ имѣлъ удовольствіе пріѣздъ ихъ видѣть. При обниманіи такой любезной жены, и столь вѣрнаго друга забылъ я всю̂ мое несчастіе , и , увидя дочь мою, пришелъ въ несказанную радость. Въ первыхъ движеніяхъ, которыя намъ удовольствіе свиданія нашего влагало, увѣдомили они меня о такихъ дѣлахъ, которыя меня въ изумленіе привели, и Урисберту мнѣ еще любезнѣе сдѣлали. По утру

по моемъ изъ Друнстейма отъѣздѣ, велѣлъ Араспъ при собранiи всего горнизона той крѣпости прежде помянутому злодѣю подъ моимъ плательемъ и именемъ голову отрубить. Сей бѣдной, надѣясь себѣ наимучителнѣйшей казни, былъ сею премѣною столь доволенъ, что на смерть шелъ безъ робости, которая всѣхъ увѣряля, что то былъ подлинно я; а особливо, ты знаешь любезной Принцъ, что у насъ обычай знатнымъ особамъ, которыхъ на казнь ведутъ, лице закрывать, дабы онѣ чрезъ свой взоръ при такой жалкой церемонiи опаснаго сожалѣнiя не возбудили. Такимъ образомъ совершена была надъ симъ несчастнымъ назначенная мнѣ смертная казнь; и чтобъ сiя опасная

тайность скрытою осталась, то велѣлъ Араспъ его трупъ тогожъ часа завернуть, и во обычайной Княжеской гробъ отвести.

По скончанїи сего донесъ онъ тотъ часъ Королю о моей смерти, а Арольдъ всему двору объявилъ: тогожъ часа свѣдали о томъ и въ городѣ, и сїя скорая казнь привела всѣхъ въ такое изумленїе и ужасъ, что ни одинъ человѣкъ на то роптать или о мнѣ сожалѣть не смѣлъ. Урисберта не хотя тайность свою ввѣрить сестрѣ моей, чтобъ слезы ея Арасповъ обманъ подкрѣпляли, казалась о томъ не утѣшна. Между тѣмъ Араспъ не хотя Фридерикино преступленїе, безъ наказанїя оставить, пришелъ къ Урисбертѣ, и уви-

дя, что никто о смерти моей не сомнѣвается, расказалъ ей всю, что между Королевою и мною происходило, и отдалъ ей письма сей недостойной Принцессы съ тою прозбою, чтобъ она сей порокъ на памяти моей не оставила, и не выѣзжала бы прежде изъ Норвегіи, пока несправедливаго Арольда въ погрѣшеніи его не изобличитъ.

Легко разсудить можно, какое удовольствіе отъ сего откровенія Принцесса моя почувствовала, и какое доброе мнѣніе она о мнѣ возъимѣла. Прежде одна только добродѣтель ея за меня говорила; а сердце объято было тайною ревностію, которой она преодолѣть не могла. Но какъ ея любовь такими подлинными свидѣтельства-

ми моей невинности совершенно опять ободрена стала; то ни о чемъ больше не помышляла, какъ толькобъ оную всему свѣту съ такимъ доказательствомъ предъ глаза представить, которое бы ей столько славно, сколько Фридерикѣ безчестно было. Она взяла тѣ письма къ себѣ, не объявя вѣрному Араспу своего намѣренія; только обѣщала ему, что онъ будетъ ею доволенъ, и желала по крайней мѣрѣ мнѣ въ моей печали, что я неблагодарнаго Короля на престолъ возвелъ, такой отрады, которая бы меня увѣрить могла, что я имѣю такую жену и друга, кои всей дружбы и любви моей достойны. На другой день пошла она подлинно въ глубокомъ траурѣ о мнимой моей смерти

къ Королю въ самое то время, какъ при немъ знатнѣйшіе господа въ собраніи были. Араспъ сказывалъ мнѣ, что она въ семъ уборѣ столь была пригожа, что окрестъ Короля сдѣлался шумъ, изъявлявшій то удивленіе, которое она во всѣхъ сердцахъ возбудила. Арольдъ самъ притомъ былъ не безчувственъ: онъ встрѣтилъ печальную и почтительную Урисберту, и говорилъ, что онъ ее отъ невѣрнаго мужа ея довольно отличить умѣетъ, и что она, ежели какой милости требуетъ, то въ полученіи оной совершенно увѣрена быть можетъ. Но она ставши на колѣни, на то ему отвѣтствовала: „Естьли то прав„да, Всемилостивѣйшій Государь, „такъ я прошу яду къ доказа-

,,нїю невинности моего несчаст-
,,наго мужа. Я довольно знаю,
,,что ему тѣмъ жизнь не воз-
,,вращу; но какъ о приписан-
,,номъ ему обвиненїи и за то
,,претерпѣнной имъ казни каж-
,,дой узнаетъ: то должность
,,моя требуетъ, чтобъ и опра-
,,вданїе его публично чинено бы-
,,ло. Королева только одна до-
,,стойна наказанїя; она за то
,,ему отмстила, что онъ былъ
,,добродѣтеленъ, и Королю сво-
,,ему вѣренъ: сїю правду дока-
,,жу я опасностїю моей жизни.,,
Арольдъ поблѣднѣлъ отъ сихъ
словъ, и казался окаменѣлымъ.
Всѣ присутствовавшїе смотрѣли
одинъ на другаго, и кричали,
что не въ Королевской власти
состоитъ Урисбертину требо-
ванїю отказать. Король опамя-

стовавшись немного , посмотрѣлъ на нее весьма прилѣжно, и говорилъ: знаешь ли ты, Принцесса, какому ужасу подвергнуть себя хочешь? Подумай, ежели ты не правильно Королеву твою обвинишь, то навлечешь себѣ жесточайшую казнь. Я знаю всіо, милостивѣйшій Государь, отвѣчала она смѣло, и я ничего не боюсь. Клодомакъ хотѣлъ лучше умереть, нежели вамъ открыть ваше безчестіе ; а я не могу жить его не оправдивши. Извольте посмотрѣть , говорила она, показавъ письма : вотъ первое доказательство его невинности, которое мнѣ счастіе въ руки послало; а другимъ доказательствомъ будетъ то, что я предъ вами выпью приготовленной по вашему приказу ядъ безъ по-

врежденія. Арольдова состоянія, бывшаго тогда, изъяснить не возможно: онъ слушалъ ее съ изступленіемъ, и читалъ притомъ тѣ письма, которыхъ почерки ему довольно знакомы были. Въ нихъ его ошибка и свое несчастіе, такъ какъ и Фридерикино достойное наказанія желаніе, столь ясно были изображены, что онъ не могъ ни о чемъ больше думать. Онъ зналъ, что ежели онъ Принцессѣ въ прошеніи откажетъ, то обличенная Королева въ подозрѣніи останется и принятое объ ней мнѣніе на него обратится; его собственной покой безпрестанно нарушаемъ будетъ. И такъ положилъ лучше ея невинность Урисбертиною погибелью утвердить, или ее наказать, ежели

она подлинно виновна, нежели допустить дворъ свой наполнить насмѣшками и негодованїемъ къ самому себѣ.

При такихъ сильныхъ движенїяхъ былъ онъ долгое время безотвѣтенъ; но по неотступной Принцессиной и знатныхъ господъ прозбѣ, обратился наконецъ къ Урисбертѣ, и сказалъ: изрядно! завтря будемъ мы свидѣтелями сего новаго позорища. Притомъ велѣлъ ее отвести въ придворную темницу и крѣпко стрещи, дабы какого обмана при семъ чрезъестественномъ доказательствѣ не произошло, и запретить выходить изъ ея комнаты, у которой свой караулъ поставить приказалъ. Какъ скоро разнесся слухъ въ городѣ о Урисбертиномъ прошенїи, то

Гилдегарда впала въ великой ужасъ и сомнѣвалась не меньше, какъ и многїе о моей невинности. Она, пришедши во дворецъ, повергласъ къ Королевскимъ ногамъ, и просила почесть сїю Принцессу безумною, которую смерть мужа ея лишила разума. Арольдъ имѣвъ время Королевины письма разсмотрѣть, и раскаяться о той безразсудной скорости, которою смерти моей быть желалъ, отвѣчалъ ей, что слова своего возвратить не можетъ и что ему Урисбертино безумство столькожъ чувствительно, какъ и ей; но не можетъ того перемѣнить.

Не возможно описать той нетерпѣливости, съ которою дворъ и городъ ожидалъ часа такого доказательства, какова-

го еще ни начьей памяти не бывало, и при твоихъ, любезной Принцъ, мужественныхъ лѣтахъ не случалось. Между тѣмъ вѣдай, что сїе есть обыкновенїе давать принимать ядъ тѣмъ, кои невинность свою такимъ образомъ доказать хотятъ. Ежели кто виноватъ, тотчасъ падаетъ и умираетъ; а естьли невиненъ, то оной ни малѣйшаго вреда не сдѣлаетъ. Сколько я ни правъ, однакожъ никогда не употребилъ бы сего доказательства, и не могу понять какая сила Урисбертѣ столько смѣлости вселила, что она такой опасности себя подвергала. О тогдашнихъ Королевиныхъ мысляхъ не могу я тебѣ ничего сказать для того, что ее никто видѣть не могъ. И Араспъ

самЪ былЪ столь устрашенЪ намѣренiемЪ моей жены, что не зналЪ что дѣлать; но я думаю, что Фридерика того не очень боялась, и столь же вѣроломно, сколь безсовѣстно себя можетЪ быть ласкала, что ее ядЪ оправдаетЪ, и на вѣки освободитЪ отЪ такой особы, которую она всегда ненавидѣла. Но какЪ бы то ни было, наконецЪ наступилЪ назначенной день: опредѣлено было знатными особами, Государственными Штатами и судьями посреди Королевскаго двора Урисберту судить, ежели ядЪ доказательство ея лживымЪ сдѣлаетЪ; причемЪ Король самЪ смотрителемЪ былЪ. КакЪ скоро всѣ собрались, то велѣли Урисберту на то мѣсто вывести, которое свидѣтельствомЪ

ея чести или безчестія быть долженствовало. Она вступивши на сіе мѣсто, скинула тотчасъ свое покрывало и говорила: „Я свидѣтельствуюсь небомъ, что „Клодомакъ невиненъ, и жалуюсь „предъ Богомъ и людьми на безсовѣстную Фридерику, что она „его за отверженіе своей предосудительной любви въ измѣнѣ „Королю своему оклѣветала.„ какъ скоро она сіи слова окончила, тогда принесли пріуготовленной въ сосудѣ ядъ. Она не долго думала оной схватить обѣими руками предъ глазами всего безчисленнаго собранія, безъ малѣйшей перемѣны лица, и съ неустрашимостію простерла къ оному руки, и тотчасъ выпила. Народъ стоялъ въ печальномъ молчаніи, и единые только вздо-

хи повсюду были слышны: ибо ожидали, что она тотчасъ упадетъ мертва. Но въ какое же всѣ пришли удивленіе, когда по прошествіи назначеннаго времени увидѣли ее также здраву и веселу! Крикъ и радость всего народа слышны были со всѣхъ сторонъ. Судьи не могли поступить противъ законовъ, и объявили меня невиннымъ, казнь мою несправедливою, и Короля обязали утѣшить духъ мой Королевиною казнію. Арольдъ приведенъ былъ видѣннымъ въ наибольшее изумленіе. Онъ велѣлъ въ превеликомъ удивленіи о крѣпости моей Принцессы, Урисберту четыремъ знатнѣйшимъ особамъ въ тріумфѣ привести во дворецъ.

Но она съ своей стороны, преисполнена будучи благодарности за показанную ей отъ Боговъ милость, пребывала какъ добродѣтельная и несчастная супруга и при своемъ смиренiи, и заперлась въ своихъ покояхъ съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобъ Араспа уговорить ее на вѣки изъ такой земли вывесть, на которую она долѣе смотрѣть не могла, , и которая ей чрезъ мое отсутствiе еще больше мерзила

Между тѣмъ Арольдъ не могъ отвратить, чтобъ Королеву участи изрѣченнаго противъ ея приговора не подвергнуть. Онъ пошелъ во внутреннiе покои, дабы укрыться отъ плача сей Принцессы, и

выдумать способъ къ удовольствованію всеобщей молвы безъ пролитія ея крови: чувствованія, которыя Принцесса Урисберша въ сердцѣ его возбудила, дали ему совѣтъ пренебречь Королеву. На другой день опредѣлилъ онъ Фридерику при собраніи Государственныхъ чиновъ объявить недостойною престола, и уничтоживъ съ нею бракъ сослать ее въ отдаленную Лапландію, предложа притомъ, что онъ въ воздаяніе Принцессѣ Урисбертѣ за ея претерпѣнное испытаніе и потерю меня, также и въ отмщеніе ея соперницѣ, приноситъ ей свое сердце и корону. Государственное собраніе не отвергало его намѣренія; всѣ согласились на Королевское предложеніе, и утверждали Фридери-

кино наказанїе. Одно только то прибавили, чтобЪ Король клятвою обязался Принцессу не принуждать, и что ему подЪ симЪ только договоромЪ позволяютЪ Королеву вЪ жизни оставить.

Конецъ первой части.

к … олько
п … кля-
п … не
п … подъ
си … зво-
л … изни
ое …

ВЕСТАЛКА

ИРМЕНЗУЛОВА ХРАМА.

ИРОИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ II.

переводъ съ Нѣмецкаго.

ВЪ МОСКВѢ.

въ типографіи Пономарева,
1789 года.

ВЕСТАЛКА
ИРМЕНЗУЛОВА ХРАМА.

Онъ согласился на то, не думая, чтобъ Урисберта не приняла такой чести: при выходѣ изъ Государственнаго совѣта, назначилъ онъ тѣхъ, которые Фридерику въ ссылку вести долженствовали, и приказалъ ей тотчасъ ѣхать, не давши позволенія себя видѣть. По отъѣздѣ ея, послалъ онъ перваго министра къ Урисбертѣ, чтобъ ее о намѣреніи своемъ увѣдомить, и поднести высочайшее достоинство: не возможно больше удивиться, сколько она удивилась сему предложенію. Она хотѣла слѣдствія

того пресѣчь открытïемъ моей тайности ; но разсудя , что Арольдъ былъ непостоянной и лукавой Князь, которой можетъ быть вѣрному Араспу варварски заплатитъ за показанную мнѣ услугу, и меня всегда препятствïемъ своихъ желанïй признавать будетъ , наложила себѣ въ разсужденïи сего вѣчное молчанïе, и довольна была дать въ отвѣтъ, что она высочайшую Королевскую милость съ благодаренïемъ чувствуетъ ; но притомъ памяти мужа своего такъ вѣрна пребыть хочетъ , какъ была при его жизни. И что вмѣсто принятïя короны у Его Величества подданнѣйше проситъ позволенïя препроводить оставшую жизнь ея въ Бергенѣ. Не смотря на всѣ употребляемыя

противъ того прозбы, не возможно было ее склонить къ другому отвѣту. Принцесса твоя мать была тогда у Арольда въ чрезвычайномъ почтенiи, и старалась для тебя милость его сохранять; она прилагала все старанiе уговорить ее къ перемѣнѣ сихъ мыслей, и склоняла къ прiятiю того счастiя, которое она презирала; но не могла привесть ее къ перемѣненiю намѣренiя. Урисберта пользуясь положеннымъ отъ Государственнаго совѣта чрезъ Арольдову клятву запрещенiемъ, поѣхала для избѣжанiя дальшей прозбы съ своею дочерью и съ нѣсколькими служителями въ Бергенъ; и тамъ ожидала Араспа, которой не долго медлилъ туда прiѣхать, получа удобно отъ Ко-

роля на нѣсколько времени отпускъ.

Сей случай беспокоилъ Арольда, такъ что ему всѣ люди равными казались; однако Принцесса Гилдегарда дѣйствія того не примѣтила. Чрезъ малое время потомъ Урисберта сѣла въ корабль; и они пріѣхавъ, какъ я уже тебѣ сказывалъ, ко мнѣ въ Данїю, пересказывали мнѣ все то, что ты теперь отъ меня слышалъ.

Ты легко разсудить можешь, любезной Принцъ, сколько я моей любезной Урисбертѣ благодарилъ, и сколь многимъ пріятствомъ и любовію ея постоянство и бодрость я тщился воздать. Между тѣмъ не смотря на всю мою горячность къ ней, я въ ней примѣтилъ чрез-

вычайную печаль, которая меня не мало беспокоила. Я просилъ ее сказать мнѣ оной причину, и она призналась, что ей Данія не очень здорова. Изъ самаго несчастія нашего можно было видѣть, что прочіе народы право имѣютъ нашихъ варварами почитать. Она признавалась, что ей то будетъ особливымъ знакомъ моей любви, ежели мы во Францію и Гишпанію поѣдемъ, гдѣ народы гораздо лучшей нравъ и поступки имѣютъ, нежели въ нашихъ холодныхъ странахъ. Я любилъ ее чрезмѣрно, и для того не противился ей угодить; я открылъ вѣрному Араспу мое намѣреніе, чтобъ ѣхать во Францію и Гишпанію. Сей вѣрной другъ не хотѣлъ отъ насъ отстать, и намѣрился всю-

ду за нами слѣдовать, гдѣ бы мы ни находились. Я тѣмъ весьма былъ доволенъ; и такъ мы приготовились въ тужъ и ночь Датскія брега оставить.

Мы наняли корабль за сходную цѣну, и отправились въ путь той же ночи. Урисберта, Тилдегарда моя дочь, которая еще четырехъ лѣтъ была, Араспъ и я съ самымъ нужнымъ числомъ служителей предпріяли путь нашъ къ Франціи. Мы чрезъ четыре дни имѣли преизрядную погоду; но въ пятой день подвержены были такой сильной бури, что все искуство кормщика нашего ничего не дѣйствовало: наконецъ принужденъ сталъ корабль нашъ отдаться на произволъ свирѣпымъ волнамъ и вѣтрамъ.

Сїя буря продолжалась трои сутки, и представляя намъ каждую минуту смерть предъ глазами, наконецъ разбила въ виду незнаемаго острова корабль нашъ, которой не могши противиться бросанїю волнъ разсѣлся, и предалъ насъ разъяренному морю, такъ что мы другъ другу не могли помочь и надѣяться избавленїя отъ угрожающихъ бѣдствъ. Я упалъ въ море; натуральное желанїе къ сбереженїю жизни придало мнѣ на нѣсколько времени силы, я плылъ съ довольною крѣпостїю около двухъ часовъ; но наконецъ одолѣла меня моя работа и утомленїе лишивши меня чувствъ моихъ, повергло въ безпамятство. Я и доселѣ не знаю долголь боролся я съ смертїю: всю, что сказать, могу состоитъ въ томъ, что

я себя, не знаю какимъ образомъ, увидѣлъ въ рукахъ многихъ людей, коихъ жестокой видъ мнѣ скоро далъ знать, что я для того только отъ морскаго ужасу избавился, дабы впасть въ другой. Они меня качали, и чрезъ то проглощенную воду опять принудили меня изрыгнуть. Я получилъ мои чувства, для того, чтобъ предаться начувствительнѣйшему бѣдствїю, не видя любезной моей Урисберты и дочери. Языкъ избавившихъ меня отъ смерти, далъ ихъ мнѣ признать за Нѣмцовъ. Я совершенно разумѣя по Нѣмецки, спрашивалъ не избавили ли они отъ потопленїя кого другаго? Они отвѣчали, что нѣтъ; и потомъ оковали меня цѣпями, какъ скоро я совершен-

но опамятовался. Причем они между собою говорили, что за избавленіе меня от смерти надлежит меня самаго сберечь. Моя печаль о лишеніи любезнѣйших мнѣ предметов была так велика, что сіи слова никакого не произвели во мнѣ страха. И хотя они мнѣ сказывали, что я стал невольником Саксонскаго морскаго разбойника; сверьх чего я еще знал, что сей народ людей богам своим в жертву приносит: однакож не чувствовал ни малаго сожаленія о моей жизни. Они подлинно повезли меня в Эресбурх и отдали главному жрецу сего храма, с тою прозбою, чтоб меня *Ирмензулу* в жертву принесть. Я не знаю, что во мнѣ главному жрецу понравилось;

но вмѣсто того, чтобъ меня умертвить, онъ началъ искать средства къ моему избавленїю. Къ тому былъ только одинъ путь, чтобы меня купить, подъ тѣмъ видомъ, чтобъ ему въ жрецахъ недостатокъ не былъ.

Морскїе разбойники будучи не меньше сребролюбивы, сколько усердны къ своему идолу, приняли отъ него деньги съ великимъ почтенїемъ, и отдали меня ему на произволъ. Какъ скоро онъ со мною говорить могъ, то спрашивалъ о моемъ имени, отечествѣ и родѣ. На что я ему сказалъ, что меня зовутъ Короманномъ, что я Норвежской дворянинъ, и съ моею женою и дочерью четырехъ лѣтъ изъ отечества моего отправил-

ся на кораблѣ во Францію, по причинѣ важныхъ нѣкоторыхъ тамъ для меня дѣлъ; но что мой корабль при самой бурѣ потонулъ; моя жена дочь и одинъ другъ, которой любя меня мнѣ послѣдовалъ, всѣ пропали, а меня Саксонскіе разбойники избавивъ плѣнили, и потому я ничего кромѣ смерти не желаю, когда уже лишился тѣхъ, для которыхъ только однихъ мнѣ жизнь была мила.

Онъ казался соболѣзнующимъ о моемъ несчастіи, и увѣрялъ меня, что онъ во все время своего жречества всегда берегся невинныхъ и тѣхъ на жертву приносить, которыхъ несчастливая судьба въ сіе мѣсто приведетъ, пока не освѣдомится подлинно ли они то заслужили. Онъ ку-

пилъ и меня у разбойниковъ только для того, чтобъ отъ смерти избавить, заключая изъ моего виду, что я не подлаго роду. Такимъ образомъ утѣшая меня, онъ обѣщалъ хорошую жизнь, ежели я безъ противности службѣ сего храма предамся. Я не въ состоянїи былъ тому противиться, и лаская себя, что мнѣ печаль моя не долго дастъ быть въ сей неволѣ, склонился, и обѣщалъ ему всѣ силы къ успокоенїю моему прилагать. Между тѣмъ не могли милости и попеченїя главнаго жреца, которыя онъ мнѣ съ того времени показывалъ, загладить печальное напоминовенїе моего лишенїя, кромѣ что только сдѣлали мнѣ оную сноснѣе. Въ семъ состоянїи препроводилъ я пятнатцать лѣтъ, и какъ

главный жрецъ только одинъ право имѣетъ преемника себѣ избрать, когда Король никого не представитъ; а самъ онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая вмѣстѣ съ старостію его всеконечною смертію ему грозила: то собралъ онъ жрецовъ, и поставилъ меня въ сіе достоинство, со всеобщимъ ихъ согласіемъ, сколько я ни старался отъ онаго отрещись. Чрезъ нѣсколько дней по сей церемоніи болѣзнь его умножившись свела его во гробъ. Уваженіе и предпочтеніе, которое онъ мнѣ чрезъ сіе избраніе оказалъ, утвердили меня въ семъ достоинствѣ. И я вступилъ безъ помѣшательства въ отправленіе моего чина, не открывая себя ни одному человѣку, и удаляясь всякаго обхо-

жденія съ знатными: я не выходилъ никогда изъ храма, развѣ Король о нѣкоей чрезвычайной жертвѣ мнѣ приказать хотѣлъ. Весталки, которыя живутъ въ другомъ отдѣленномъ храмѣ, состоятъ подъ моею властію; но при всемъ томъ мнѣ не позволено ихъ видѣть, кромѣ что при жертвенныхъ обрядахъ. Учрежденія посылаю я имъ тогда писменно: жрица, которая нынѣ начальствуетъ, не старѣе меня въ семъ чину. Ее зовутъ Клодомирою, и я не видалъ ее никогда, потому что еще никакой жертвы не совершалъ. Сказываютъ, что она за два года предъ симъ при дворѣ была. Витекиндъ красотою ея плѣненъ былъ, а она удаляясь отъ его преслѣдованій, пошла въ Весталки. Жрица ихъ умерла предъ

нѣсколькимъ временемъ, и жребій палъ на Клодомиру, которая завтрешній день въ первой разъ *Ирмензулу* будетъ жертву приносить: вчера какъ скоро ты отъ меня вышелъ, то Король призвалъ меня къ себѣ, и далъ приказъ жертву со всѣми обрядами совершить, кои бы великолѣпія сего торжества умножить могли. Идучи оттуда въ печальнѣйшихъ мысляхъ, которыя никогда меня не оставляли, попалcя мнѣ на дорогѣ пастухъ, и смотрѣлъ на меня съ такимъ прилѣжаніемъ, которое чаять меня заставляло, что ему нѣкоторая милость потребна. Въ семъ мнѣніи подошелъ я къ нему ближе подать нѣсколько денегъ, но онъ увидѣвъ меня вскричалъ, о Боги! ето Принцъ Клодомакъ!

По симъ короткимъ словамъ и по голосу, которой мнѣ былъ очень знакомъ, узналъ я любезнаго Араспа. Разсуди, Принцъ, радость мою и изумленіе; но какъ тутъ не такое мѣсто было, чтобъ онымъ волю дать, то велѣлъ я ему молчать и итить за мною въ храмъ, гдѣ по приходѣ моемъ тотчасъ отдался я движеніямъ; и обнимая его говорилъ: ахъ! дражайшій Араспъ! возможно ли, чтобъ я еще тебя видѣлъ; на что онъ мнѣ равное удовольствіе показывая, отвѣчалъ: не сомнѣвайтесь о томъ, милостивый государь; но мои желаніи получилибъ совершенное удовольствіе, естьлибы я вамъ съ собою и тѣхъ возвратить могъ, которыя вамъ гораздо меня дороже. Сими словами

растворившись прежнїя мои раны, погрузили меня въ моей горести, пока онъ сїе сими словами пресѣкъ: вамъ не должно, милостивый государь, Урисбертину и Гилдегардину смерть оплакивать; онѣ не погибли, и еще должны жить; но не знаю, гдѣ онѣ теперь. Урисберту ищу я съ того времени, какъ меня пастухи избавили, а Гилдегарду уже около двухъ лѣтъ. Ахъ любезной Араспъ! говорилъ я ему, такъ моя жена и дочь еще живы? Не могу ли я сердце свое питать сладкою надеждою, что ихъ опять увижу? Ежели надежда противъ такихъ великихъ несчастїй можетъ быть утѣшительнымъ средствомъ, отвѣчалъ онъ, то надлежитъ стараться оную содержать. Однакожъ я

боюсь, чтобЪ она старанiй нашихЪ не обманула, и чтобЪ судьба, благопрiятствовавшая нашему спасенiю, не показала надЪ нами послѣ гораздо чувствительнѣйшiй ударЪ. Я просилЪ его, чтобЪ онЪ мнѣ все расказалЪ, что ему послѣ разбитiя нашего приключилось, и чрезЪ какой несчастной случай боги, сохраня Урисберту и мою дочь, столь немилостиво отЪ него отлучили, что онЪ сумнѣвается ихЪ уже и видѣть.

ОнЪ сдѣлалЪ любопытству моему удовольствiе, и мы препродили тѣмЪ довольную часть ночи. Я не хочу тебѣ всѣ тѣ разсужденiя повторять, коими онЪ рѣчь свою наполнилЪ; мое намѣренiе есть только обЪявить

тебѣ о важныхъ приключенiяхъ моей жизни: чего для не буду я по порядку слова его сказывать; но довольно, когда скажу, что Араспъ при разбитiи нашего корабля будучи о всемъ томъ радѣтеленъ, что мнѣ прiятно, схвативъ мою дочь въ свои руки, чтобъ ея крикъ утѣшить посреди бывшаго на кораблѣ превеликаго вопля и плача. И такъ сей вѣрной другъ, какъ скоро корабль разсѣлся, и насъ въ пучинѣ погрузилъ, бросился съ нею въ море: любовь его была ко мнѣ сильнѣе того ужасу, которой объялъ всѣхъ находившихся на кораблѣ; онъ держалъ одною рукою мою дочь, а другой гребся столь отважно и при томъ удачно, что выплылъ съ нею на берегъ. Пастухи увидя остатки

отъ нашего несчастнаго корабля плывущія, а при томъ и его съ малымъ въ рукахъ дитятею, прибѣжали ему на помощь и вытащили съ несказанною радостію. Одинъ изъ нихъ повелъ его въ свой шалашъ, а другой привелъ старуху къ дочери моей, чтобъ она имѣла объ ней попеченіе; словомъ каждой старался ему приятнымъ и милостивымъ образомъ служить, такъ что онъ отъ своей претерпѣнной трудности и безпокойствѣ о Гилдегардѣ скоро избавился; ибо ни ему, ни ей никакого вреда не сдѣлалось, кромѣ что онъ ее крѣпко держа нѣсколько утомилъ. Сожалѣя о мнѣ и у Урисбертѣ обошелъ съ пастухами весь берегъ, чтобъ насъ мертвыхъ или живыхъ сыскать.

Его старанїе было тщетно: пастухи свѣдали, что изъ другой далней области пастухи вытащили одну полумертвую женщину изъ моря; что они нѣсколько дней ее содержали, и она ихъ труды своимъ богатымъ платьемъ заплатила; что потомъ сѣла она на купеческой корабль, которой для отдохновенїя къ берегу приставалъ, и подарила корабельному хозяину дорогой перстень за то, чтобъ онъ взялъ ее; наконецъ такимъ образомъ отъѣхала, но они не знаютъ куда. Араспъ услышавъ сїю вѣдомость, пошелъ тотчасъ въ область тѣхъ пастуховъ, чтобъ видѣть помянутой женщины платье; и узнавъ оное не сомнѣвался о Урисбертѣ, а особливо, какъ его всѣ пастухи увѣ-

ряли, что они видѣли, какъ она въ корабль вошла, невѣдая однакожъ куда тотъ корабль отправился.

Что касается до меня, то не могъ онъ ничего провѣдать, и потому не зная, что начать и гдѣ сыскать себѣ помощь, рѣшился у сихъ добродѣтельныхъ пастуховъ остаться, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ Гилдегарду у нихъ воспитать, пока она въ лѣта вступитъ, и будетъ въ довольной крѣпости возвратиться въ Норвегію, надѣясь, что сіе Королевство между тѣмъ временемъ можетъ быть другой видъ приметъ, и онъ дочь мою не боясь Арольда опять въ отечество ея превести и Принцессѣ твоей матери, и ея теткѣ, поручить можетъ. Сверхъ того узнавъ отъ пастуховъ, что Сак-

сонскіе морскіе разбойники весьма страшны, ежели кто не въ состояніи имъ противиться; и что плѣнные неволники обоего полу и безъ различія лѣтъ идолу ихъ *Ирмензулу* въ жертву приносятся, не хотѣлъ онъ себя съ дочерью моею подвергнуть такой опасности, чтобъ имъ въ руки впасть; а хотя и тѣ пастухи, у которыхъ онъ находился, были также Саксонцы, и Ветекиндовымъ законамъ подлежали: однако гнушались человѣческихъ жертвъ, и жили отлично отъ прочихъ. Они употребляли все свое стараніе къ тому, чтобъ множествомъ скота своего богатиться. Присемъ непорочность ихъ трудовъ простиралась и до нрава ихъ склонностей. Будучи посреди такихъ

людей Арaспъ не надѣялся сыскать лучшаго средства, какъ остаться у нихъ, видя притомъ и неотступныя ихъ прозьбы.

Такимъ образомъ премѣнивши саблю на пастушей жезлъ, онъ принялъ на себя стадо того пастуха, которой его въ своемъ шалашѣ содержалъ, и не имѣлъ больше никакого попеченія, какъ только Гилдегарду воспитать, и быть ей вмѣсто отца. Сей вѣрной другъ продолжалъ сельскую жизнь почти 15 лѣтъ, какъ между тѣмъ Гилдегарда становилась чудомъ пріятностей и красоты. Всѣ пастухи ее почитали, и пастушки ей послушны были.

Арaспъ стараясь ее въ совершенство привести, сколько ему то дикое жилище позволяло,

и опасаясь, чтобъ нѣкоторые пастухи сердца ея домогаться не стали, открылъ ей о родѣ и несчастїи ея родителей, дабы она зная благородное свое рожденїе, имѣла пристойныя тому мысли, и тѣхъ страстей удалялась, которыя бы ея покою и невинности вредительны быть могли. Сїя молодая Принцесса поступала во всемъ по его желанїямъ, и имѣла добродѣтель равную своей красотѣ; Араспъ почиталъ ее за такое сокровище, которое Боги смотрѣнїю его ввѣрили, и въ которомъ со временемъ отъ него отвѣта потребуютъ: однако не смотря на все его попеченїе, похищено было отъ него сїе сокровище въ такое время, когда онъ того не чаялъ.

Гилдегардино сердце и нравъ не могли къ простымъ забавамъ привыкнуть: обучась съ младенчества своего съ нѣкоторыми равными лѣтамъ ея пастушками стрѣлять лукомъ, она съ ними проходила долины и лѣса и ополчалась противу птицъ и звѣрей. Араспъ всегда провожалъ ее при томъ, и не могъ довольно насмотрѣться на ея искуство, прїятность и величественность, которыя и въ простомъ ея платьѣ сїяли. Нѣкогда удержали его другїе пастухи за нею итти; а сїя молодая Принцесса съ своею обыкновенною компанїею, которая ей, какъ Королевѣ своей, всегда была послушна, зашла такъ далеко, гонясь за дикою козою, что жилище свое совсѣмъ изъ виду потеряла. Ея подруги,

которымъ Араспъ ее ввѣрилъ, напоминали ей о томъ и просили возвратиться въ деревню; но въ самое то время, какъ онѣ намѣрились изъ лѣсу итти, заградили имъ дорогу нѣсколько человѣкъ верхами. Нѣкоторыя изъ нихъ сошли съ лошадей, и напали на Гилдегарду; но сїя Амазонка съ такою храбростїю защищалась, что трое бездушны пали къ ея ногамъ. Но о небо! возможно ли противиться такому числу? Они всѣ кинулись на нее и обезоруживъ, не смотря на ея сопротивленїе, отдали въ руки знатнѣйшему изъ нихъ, которой ударивъ лошадь шпорами пустился съ Гилдегардою быстрѣе птицы, опасаясь, чтобъ его не остановили; а другихъ своихъ товарищей оставилъ для разо-

гнанія ея подругъ, которыя боясь, чтобъ ихъ не увезли, въ бѣгъ обратились, и съ ужаснымъ плачемъ и крикомъ, которой, дошелъ до ушей Арасповыхъ, въ домы свои прибѣжали. Нѣтъ нужды представлять, тебѣ бывшее его въ то время отчаяніе: онъ думалъ, что небо для него только одного пречустымъ мракомъ покрылось, и его глаза вдругъ всего свѣта лишило.

Онъ собралъ тотчасъ всѣхъ пастуховъ той деревни, и побѣжалъ слѣдомъ за разбойниками; но ни одного узрѣть не могъ, и былъ принужденъ безъ всякаго извѣстія возвратиться: потому что Гилдегардины подруги не знали какіе люди были, и какою дорогою поѣхали. Отъ сего сдѣлалось всеобщее воз-

мущенїе въ той странѣ; но Араспъ не утѣшась всеобщимъ гнѣвомъ, клялся не успокоиться прежде, пока не свѣдаетъ, куда дочь моя увезена. Онъ продалъ стада свои и всю, что въ 15 лѣтъ нажилъ, и въ своемъ пастушьемъ платьѣ, которое его отъ любопытства людей безопаснымъ дѣлало, и позволяло безъ подозрѣнїя вездѣ ходить, оставилъ свою деревню, и освѣдомлялся во всѣхъ окрѣсностяхъ у знатныхъ и простыхъ людей, у которыхъ жены и дочери были, нѣтъ ли между ими такой, которую зовутъ Гилдердою; но ни малѣйшаго извѣстїя получить не могъ. Въ семъ исканїи препроводилъ онъ цѣлые два года, и многажды приходилъ въ одно мѣсто. Вчера пришелъ

онъ въ четвертой разъ въ Эресбургъ, и ходилъ подъ тѣмъ видомъ, будто съ Королемъ говорить хочетъ; при чемъ то съ тѣмъ, то съ другимъ говорилъ, надѣясь, что нибудь услышать о томъ, чего знать желалъ. Въ семъ его стараніи вышелъ я изъ Королевскихъ покоевъ; онъ спросилъ обо мнѣ, и свѣдавъ не могъ тайнымъ движеніямъ своимъ противиться. Онъ подошелъ ко мнѣ ближе, и пристально разсматривалъ долгое мое платье: мой старинной на головѣ уборъ и семнатцатилѣтнее отбытіе, не воспрепятствовали ему меня узнать; и его изумленіе такъ было велико, что онъ ни слова не могъ промолвить. Я уже прежде сказывалъ тебѣ, дражайшій Принцъ, какимъ образомъ мы другъ дру-

га узнали, и какую радость я увидя сего моего вѣрнаго друга почувствовалъ. Но я признаюсь, что бы радость моя гораздо совершеннѣе была, ежели бы онъ мнѣ Гилдергарду при увѣдомленіи о ея жизни съ собою привелъ: дочь моя сколько бы нибудь утѣшила меня и въ лишеніи ея матери. Между тѣмъ намѣрился я съ Араспомъ бѣжать изъ сего мѣста, и ѣхать съ тобою къ Карлу Великому просить у него милости, дабы онъ во всей Германіи публиковать приказалъ: чтобъ, естьли у кого есть дѣвица , именемъ Гилдегарда, то подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, ее ко двору сего Монарха представить. Сіе есть мое послѣднее прибѣжище: ибо Араспъ въ два года всю уже Саксонію безъ всякаго успѣха проѣхалъ.

Но какъ мнѣ не позволено отсюда явно отъѣхать, не подпадши притомъ строгости законовъ, кои жрецовъ за то на смерть осуждаютъ, ежели они оставятъ службу *Ирмензулову* храму; то хочетъ Араспъ все приготовленїе скрытно сдѣлать, и я ожидаю, что Богъ во время твоего отъѣзда произведетъ.

Продолженїе прежняго.

Симъ окончалъ Клодомакъ свою исторїю; Принцъ Ерихъ по причинѣ любви къ жрицѣ Клодомирѣ не такое участїе въ Гилдегардиномъ несчастїи имѣя, какое бы можетъ быть въ другое время почувствовалъ, былъ не

очень спокоенъ во время его повѣствованія, боясь, чтобъ онъ не потребовалъ отъ него такой взаимности, которой сердце его предаться уже не можетъ. Однакожъ не объявилъ Клодомаку своихъ чувствованій, которыя мнѣнію его столь противны были; онъ сожалѣлъ только объ немъ и утѣшалъ его, обнадеживая, что онъ отъ Карла Великаго милостиво принятъ будетъ. Притомъ просилъ, чтобъ онъ съ Араспомъ его познакомилъ, дабы быть ему участникомъ въ приготовленіи къ ихъ побѣгу; увѣряя, что онъ для изведенія его изъ такой варварской земли, крови и жизни своей не пожалѣетъ.

Клодомакъ благодарилъ ему, и говорилъ, что онъ завтра

послѣ жертвы конечное извѣстіе ему о намѣреніяхъ своихъ дать надѣется, не сомнѣваясь, что онъ ему нуженъ будетъ; причемъ просилъ, чтобъ онъ послѣ церемоніи не мешкавъ къ нему въ храмъ пришелъ. Ерихъ не хотя пропустить такого случая, при которомъ Клодомира въ толь великой славѣ покажется, обѣщалъ къ нему притти, и такъ растались. Молодой Принцъ упражнялся мыслями въ своей новой любви; а Клодомакъ будучи между страхомъ и надеждою ничего больше до приходу вѣрнаго своего Араспа не дѣлалъ, какъ только помышлялъ о способахъ, чтобъ опять сыскать обѣихъ своихъ Принцессъ: ибо онъ почувствовалъ чрезъ подлинное извѣстіе о ихъ жи-

зній все то опять въ сердцѣ своемъ, что естественныя движенія пріятнаго и чувствительнаго произвести могутъ.

Въ то время, какъ Ерихъ и Клодомакъ о томъ только помышляли, въ чемъ сердца ихъ имѣли столь великое участіе, посолъ Карловъ старался Витекинда склонить къ покорности власти сего Монарха. Но сей варварской Князь будучи весьма крѣпко привязанъ къ идолослуженію своему, и владѣя столь долгое время, не хотѣлъ быть подданнымъ: и для того отсрочивалъ всегда послу дать отвѣтъ, дабы между тѣмъ въ состояніе себя привесть учинить оной съ вооружейною рукою. Онъ такъ часто побѣждаемъ былъ отъ храбраго Фран-

цузскаго Монарха, что ему безсиліе его не позволяло предложеніямъ сего Принца гордо отказать; и онъ не хотя на оныя склониться, къ высылкѣ его посла ожидалъ сильной подпоры, которую въ посланномъ ему отъ Сигисмунда Короля Датскаго вспомогательномъ войскѣ получить надѣялся: посолъ съ своей стороны ясно видя, что ему Витекиндъ только манить старается, о всемъ томъ доносилъ своему Государю, дабы другія мѣры взять могъ. Сей правовѣрной Монархъ будучи въ томъ мнѣніи, что подъ сею продерскою отсрочкою нѣкоторыя новыя предпріятія скрыты, и имѣя войско свое во всемъ готовое, выѣхалъ изъ города Пертегорна, гдѣ онъ тогда находился, къ

своей армїи, и повелъ оную къ Ересбургу, располагаясь быть въ готовности для занятїя сего мѣста , когда Саксонцы либо сдадутся , либо посла его безъ удовольствїя вышлютъ. Походъ его весьма тихо и тайно продолжался, такъ что Витекиндъ ни мало о томъ не вѣдалъ, и лаская себя, что вспомогательныя его войска будучи въ дорогѣ скоро придутъ , безпрестанно содержалъ посла въ сомнѣнїи , скрывая притомъ свое намѣренїе, и надѣясь идола своего *Ирмензула* умилостивить, велѣлъ учредить жертву, которая на другой день, какъ Ериху Клодомакъ сказывалъ, къ совершенїю была назначена. Посолъ нехотѣлъ притомъ быть, и старался Принцу отсовѣтовать , чтобъ онъ

не ходилъ. Но онъ столь важное участїе въ томъ имѣлъ, что не могъ пропустить сего случая, и принудить себя быть послу въ разсужденїи сего послушнымъ. Онъ только ему обѣщалъ безъ всякой свиты туда итти, и, не смотря на свое нетерпѣнїе идолослуженїя, удерживать ревнїе къ помѣшательсту онаго.

Какъ скоро багряные лучи съ востока приходъ солнца возвѣщать начали, то былъ уже весь городъココресбургъ для сего торжества въ движенїи. На пространной площади поставлено было мѣсто на подобїе амвона, на которомъ стоялъ идолъ *Ирмензуловъ*; по правую и по лѣвую сторону онаго были многїя мѣ-

ста для Короля и знатныхъ особъ; внизу при сихъ мѣстахъ стояли Королевскіе драбанты, и оба караулы храма. Все сіе мѣсто окружалось раздѣленными на двѣ равныя части перилами, которые народъ отъ олтаря отдѣляли, дабы жрецы и весталки никакого помѣшательства имѣть не могли. Ерихъ ничего не желая смотрѣть, кромѣ жрицъ, сталъ между народомъ такъ близко къ периламъ, что никто ему помѣшать не могъ Клодомиру видѣть въ лицо, и отъ нея видиму быть. . . По прибытіи Двора вышелъ главный жрецъ изъ своего храма, и приведши два хора началъ въ честь лживому богу своему пѣть гимны, между которыми самъ приближился къ олтарю съ одной, а

жрица съ другой стороны; при семъ, какъ всѣ весталки, такъ и главная жрица имѣли свои лица закрытыми.

Клодомакъ взялъ жертвенный ножъ, которымъ назначеннаго звѣря заколоть надлежало, и подалъ жрицѣ, которая между тѣмъ временемъ краткую читала молитву, чтобъ *Ирмензулъ* сїю жертву благоволилъ милостиво принять, пока храмные прислужники привели дикаго быка и поставили предъ олтаремъ. Главный жрецъ взялъ веревку, которою быкъ привязанъ былъ къ перильамъ. Жрица открыла свое лице, и показала глазамъ собраннаго народа ту достойную красоту, которую Витекиндъ еще не забылъ, и которую Норвежской Принцъ тайно

обожалъ. Она подняла руку для пораженія быка ; но въ самое то время внезапно взглянула на Ериха, и отъ того такъ смутилась, что вмѣсто быка перерубила ту веревку, чѣмъ онъ быкъ привязанъ, а ему дала только малую рану: отъ сей раны разсвирѣпѣвшій быкъ пользуясь свободою, которую разрубленная веревка ему дала, и въ знакъ своей ярости ужасно взревѣвъ, напалъ тотчасъ на жрецовъ, опрокинулъ олтарь, и бѣжалъ прямо къ жрицѣ; всѣ зрители въ ужасѣ отступили , и каждой старался себя какъ можно спасти. Клодомакъ самъ для безопасности ушелъ въ храмъ. Ерихъ помертвѣлъ видя жрицу въ ужасѣ, которая испугавшись поблѣднѣла, и отъ всѣхъ весталокъ будучи

оставлена, не знала куда обратиться. Но хотя сіи разныя движенія гораздо скорѣе произошли, нежели ихъ представить можно; однако еще не столь скоры были, какъ Ерихъ къ избавленію ея отъ сего ужаса. Сей мужественной Принцъ презрѣвъ строгости законовъ, опредѣляющихъ вмѣсто воздаянія за такое великодушное дѣло жестокую казнь, какъ скоро увидѣлъ перерубленную веревку, и отъ того произшедшую видимую опасность, перескочилъ тотчасъ чрезъ перила съ обнаженною саблею, и не смотря на крикъ всего собранія, которое ему объявляло, что запрещено нападать на жертвеннаго звѣря, сталъ между жрицею и быкомъ, и ободренъ будучи присутсвіемъ сво-

ей любезной, презиралъ жизнь, которую онъ совсѣмъ уже власти ея предалъ. Онъ ожидалъ того звѣря, съ пресмѣяніемъ ихъ суевѣрнаго страха; ревущій быкъ наклонивши голову свою, хотѣлъ рогами вбросить его на воздухъ; но храброй его соперникъ увернувшись отъ сего удара, схватилъ его одною рукою за рогъ, а другою поднявши свой мечь, такой счастливой ударъ ему далъ, которой голову его повергъ къ его ногамъ. Неустрашимость сего молодаго героя привела всѣхъ притомъ бывшихъ въ изумленіе. Самые тѣ, коихъ ужасъ къ бѣгу принудилъ, возвратились видѣть конецъ сего боя. Сей варварской народъ, привыкшій столь жадно видѣть человѣческую кровь проливаемою,

ласкалъ себя, что Ерихъ самъ *Ирмензулу* жертвою будетъ, но его побѣда привела ихъ въ новое удивленіе; однакожъ суевѣріе ими овладѣло: въ туже минуту предъ самымъ жертвенникомъ вмѣсто похвалы столь храбраго дѣла, слышенъ сталъ крикъ вопіющихъ о отомщеніи сего преступленія; всѣ кричали, что сей иностранецъ презрѣвши *Ирмензулу* назначеннаго въ жертву звѣря, умертвилъ. Но пока жрецы и весталки Королевскаго опредѣленія ожидали, то храброй Ерихъ чувствовалъ великое удовольствіе о избавленіи отъ смерти прекрасной Клодомиры. Онъ казался столь спокоенъ, какъ бы его полученная побѣда всѣмъ великую радость подавала, хотя не слышно было

со всѣхъ сторонъ ничего, кромѣ голосовъ, требующихъ его смерти. Наконецъ смятенїе было такъ велико, и неукротимая чернь такъ полнилась, что храмные стражи и Королевскїе драбанты съ мѣстъ своихъ сбиты были, и ни малаго порядку сохранить и опять соединиться не могли.

Араспъ, такъ какъ и прочїе, отъ сего возставшаго смятенїя отдалился, и не могъ главнаго жреца увѣдомить о нѣкоторой примѣченной имъ великой важности; наконецъ Витекиндъ желая окончать сїе возмущенїе, а притомъ и свою собственную жестокость удовольствовать, кричалъ базпрестанно, чтобъ побѣдителя не упустили. По сему повелѣнїю каждой старался

прежде его поймать; но главный жрецЪ своею знатностію упредилЪ сіе варварское стремленіе: онЪ велѣлЪ отвести Ериха вЪ храмЪ и заперѣть двери. ПотомЪ пробился до Короля и ему представлялЪ, что сей преступникЪ подЪ его смотрѣніе принадлежитЪ; ибо онЪ сталЪ жертвою *Ирмензулу* вмѣсто той, которая прежде была назначена: почему всѣ тѣ, кои руку на него наложатЪ, также вЪ преступленіи себя виноватыми окажутЪ, какое онЪ учинилЪ, и по законамЪ, такЪ какЪ и онЪ, принесены должны быть на жертву.

Саксонскій Король принялЪ за справедливое его предложеніе, и имѣя кЪ вышнему жрецу великое почтеніе, согласился на

то, и хотѣлъ свѣтлѣйшаго плѣнника въ его власти оставить. Но жрица не зная съ какимъ намѣренiемъ главный жрецъ того требуетъ, и равно бояся Ериха у него, какъ и у Витекинда во власти видѣть, упала къ ногамъ сего Князя, и представляла съ такою ревностiю, которую гораздо важнѣйшая причина, нежели усердность къ *Ирмензулу* въ нее влагала: что главный жрецъ ни малаго права на сiю жертву не имѣетъ, и что законы повелѣваютъ ему только оную въ надлежащее время принести; впрочемъ не позволяютъ оной до того времени быть въ его власти: сей иностранецъ умертвя того быка, говорила она, котораго мнѣ на жертву принесть надлежало, дол-

женствуетъ вмѣсто той жертвы мнѣ преданъ быть; потому что онъ меня лишилъ жертвеннаго быка; но послѣ отъ моихъ уже рукъ принять его долженъ главный жрецъ, когда онъ къ олтарю приведенъ будетъ. И такъ повелите, всемилостивый Государь, сего преступника отвести въ темницу моего храма, и отдать подъ смотрѣнїе опредѣленному для безопасности весталокъ стражу. Клодомакъ пришедъ отъ сего требованїя въ ужасъ, и почитая то за дѣйствїе жестокости, отъ инаго движенїя происходящее, казался тѣмъ разгнѣванъ, и смотря на нее съ свирѣпствомъ, говорилъ: когда ты силы не имѣла звѣря на жертву принесть, такъ можешь ли надѣяться сберечь такого человѣка, которой доволь-

но показалъ, что онъ еще лучше звѣря оборониться умѣетъ.

Прекрасная Клодомира закраснѣлась отъ сего выговора, и зная то почтенїе, каковымъ главному жрецу была обязана, отвѣчала съ смиренїемъ: не гнѣвайтесь, мой отецъ, что я при семъ случаѣ право мое удерживаю; я не столь отважна, чтобъ вамъ въ тѣхъ правахъ противиться хотѣла, которыя въ казни сего преступника имѣете: но почитаю себя обязанною не уступать тѣ права, которыя законы по часъ смерти его надъ нимъ мнѣ даютъ. Такъ мы его теперь принесемъ на жертву, сказалъ Витекиндъ, пресѣкши ихъ споръ. Верховный жрецъ и жрица равно вострепетали отъ сего приговора. Клодомакъ

боясь, чтобъ сей споръ не ускорилъ къ смерти того молодаго Принца, и сверхъ того успокоенъ будучи даннымъ ему отъ жрицы пріятнымъ именемъ отца, почувствовалъ къ ней во внутренности своей чрезвычайную нѣкую склонность; онъ представилъ Королю, что нельзя прежде *Ирмензулу* никакой жертвы приносить, пока храмъ очищенъ не будетъ, къ чему по крайней мѣрѣ двѣ недѣли потребно; что наконецъ онъ уступаетъ жрицѣ храненіе сего плѣнника, подъ тѣмъ договоромъ, чтобъ ему позволено было его такъ часто видѣть, какъ онъ пожелаетъ, для того что законы главному жрецу повелѣваютъ надъ тѣмъ прилѣжное смотрѣніе имѣть, кто на жертву наз-

наченЪ. ВитекиндЪ склонился на то; жрица велѣла тотчасЪ своей стражѣ подойти, и Ериха взять, которой видя, что Кло-домира приказЪ отдаетЪ ли-шить его оружія, нимало не про-тивился, и желая показать ей причину своей преданности, сталЪ на одно колѣно и подавЪ ей саблю свою, говорилЪ: ты не могла, государыня моя, лучше сего способа сыскать кЪ лише-нію меня моей вольности; еже-либы ты Витекинду надЪ мною власть уступила, то бы всѣмЪ тѣмЪ жизнь мою дорого продалЪ, которые бы ей коснуться дер-знули; но несравненная Клодо-мира можетЪ только одна от-нять отЪ такого человѣка ору-жіе, которой до сего дня еще никогда побѣжденЪ не былЪ.

Жрица закраснѣлась и приняла саблю, избавившую ее отъ смерти. Притомъ отвѣчала, я знаю, чѣмъ храбрости твоей должна: законы Государства опредѣляютъ тебѣ смерть; но законы благодарности ихъ преодолѣютъ. Они не могли больше ничего другъ другу сказать, для того что стража уже близко подошла. Жрица велѣла его при себѣ отвести въ башню своего храма, въ которой потомъ и сама пошла. Пришедши заперлась съ своею вѣрною Тириндою, чтобъ съ нею о семъ чрезвычайномъ приключенiи разсуждать и мѣры взять, какимъ бы образомъ своего знатнаго плѣнника свободить. Въ то время, какъ она въ такихъ мысляхъ упражнялась, главный жрецъ имѣя равное по-

печеніе о Ерихѣ, искалъ случая съ Араспомъ посовѣтовать, что при таковой крайней опасности зачать надлежитъ, и открыть ему то безпокойство, которое жрица въ его сердцѣ возбудила. Ея младость, несравненная красота и сходство, которое онъ съ своею любезною Урисбертою въ ней, казалось, видѣлъ, такъ его безпокоили, что изъ мыслей своихъ вывести ее не могъ. Араспъ съ своей стороны думая, что не обманулся, и что Клодомира есть та самая Гилдегарда, для которой онъ такъ много земель проѣхалъ, употреблялъ всѣ свои силы сквозь народъ пробиться и притти къ Клодомаку. Наконецъ какъ скоро отвели Ериха въ темницу и всѣ знатные разъѣхались, такъ

какЪ и ВитекиндЪ возвратился съ своею свитою во дворецЪ; то сей въ самое то время кЪ храму, какЪ двери уже запирать хотѣли, пришелЪ.

КлодомакЪ увидя его встрѣтилЪ съ простертыми руками, и повелЪ вЪ свой притворЪ, куда пришедЪ говорилЪ: ахЪ! любезный АраспЪ, боги не хотятЪ еще окончать мое несчастїе, они не довольны разлучивЪ меня съ любимымЪ мнѣ на свѣтѣ; но опредѣлили еще мнѣ руки мои умывать вЪ собственной моей крови; сей храбрый иностранецЪ, которой *Ирмензулова* быка убилЪ, есть тотЪ ЕрихЪ, и любви достойной ПринцЪ Норвежской, котораго исторїю я тебѣ вчера сказывалЪ; жрица

получила его въ свою власть, увы! и тѣмъ меня надежды лишила его отъ угрожаемаго страха избавить. Я хотѣлъ было право мое на то утвердить; но не знаю какая сила отъ того меня удержала: какъ скоро я голосъ ея услышалъ, то почувствовалъ въ сердцѣ моемъ движенiе, и духъ мой сталъ безсиленъ; я мнилъ видѣть въ ней любезную мою Урисберту, какова она тогда была, и вмѣсто того, чтобъ противиться ей отдать Ериха, отдалъ бы ей власть и надъ своею жизнiю, ежели бы она жестокость имѣла оной потребовать. Ахъ милостивой государь! прервалъ Араспъ, не жалуйтесь больше на боговъ, но познайте естественныя движенiи, которыя въ

вас Клодимира возбудила. Сія жрица ваша дочь, однимъ словомъ она Гилдегарда, которую я два года ищу. Она подъсимъ пріятнымъ именемъ укрылась отъ моего взысканія. Гилдегарда? спрашивалъ Клодомакъ изумленно. Она самая, отвѣчалъ Араспъ, я смотрѣлъ на нее во время суевѣрной церемоніи нашей столь прилѣжно, что совершенно ее узналъ; я видѣлъ, что она на Ериха взглянула, котораго я еще не зналъ, и онъ смотрѣлъ на нее еще прилѣжнѣе меня; она закраснѣлась его увидя и смутилась, ея рука задрожала и тѣмъ ошиблась въ ударѣ. Тогда увидѣлъ я, какъ сей Принцъ ей на помощь бросился и предъ нею противъ свирепѣющаго быка сталъ; я возсылая между тѣмъ за сего незнакомаго тай-

ныя молитвы къ небу, смотрѣлъ на всѣ Принцессины движенія, и казалось, что она не столько ужаса о своей, сколько о жизни своего защитителя имѣла, и вмѣсто того, чтобъ ей съ устрашенными весталками бѣжать, она даже не сошла съ того мѣста, и казалось, будто своимъ присутствіемъ сего молодаго героя больше къ смѣлости ободрить хотѣла. Почему не сомнѣвайтесь, милостивый государь, его жизнь ей драгоцѣнна; она признавая васъ за такого, которой избавителя ея конечно въ жертву принесть хочетъ, попросила для той только причины въ свое храненіе, чтобъ его отъ смерти избавить. Сіи слова напомнили Клодомаку то почтеніе, съ которымъ Ерихъ

свою саблю ей отдалъ; и потому ясно увидѣлъ, что все смятенїе произошло только отъ одной любви. И хотя притомъ онъ чрезвычайную радость чувствовалъ, что Гилдегарду еще живую видѣлъ, и себя ласкалъ, что Ерихъ въ безопасности; однако не могъ понять, какимъ образомъ они другъ друга прежде сего несчастливаго дня видѣть могли, и какимъ средствомъ она его избавить надѣется. Отъ сихъ размышленїй впалъ онъ опять въ первое недоумѣнїе и сталъ еще безпокойнѣе прежняго: между тѣмъ Арапъ давно уже приготовилъ все къ побѣгу.

Долгой подземный ходъ, сдѣланной подъ всѣми тремя храминами, избранъ былъ къ тому

путемъ; входъ въ него былъ изъ *Ирмензулова* храма; подъ симъ сводомъ стояли Королевскія и жреческіе гробы, и одинъ только главный жрецъ имѣлъ отъ него ключь. Конецъ сего подземнаго прохода доведенъ былъ до самаго берега рѣки; но не имѣлъ никакого выхода, и такъ надъ онымъ трудился во всю прошедшую ночь Араспъ и Клодомакъ; Араспъ работалъ съ верху, а Клодомакъ изъ внутри онаго свода; они оба были уже такъ въ намѣреніи своемъ счастливы, что совершили выходъ, чрезъ которой человѣкъ свободно пройти могъ, и оной камнями съ наружи опять закрыли. Клодомакъ не хотѣлъ прежде бѣжать, пока посолъ не получитъ отпускной аудіенціи, дабы

имѣть между тѣмъ время Ериха о своихъ приготовленіяхъ увѣдомить, и съ нимъ условиться, гдѣ имъ сойтись надлежитъ.

Но Принцово заключеніе изпровергнуло намѣреніе его, или по крайней мѣрѣ отсрочило исполненіе онаго. Клодомакъ тѣмъ больше о томъ печалился, что теперь уже не одинъ его и Араспов побѣгъ потребенъ, но Ериха и жрицу увести надлежало. Сіе было стольже трудное, сколь и отважное предпріятіе, и ежели оно открыто будетъ, то подвергнется всѣхъ ихъ жизнь въ неизбѣжную опасность. Наконецъ опредѣлили они по долгомъ размышленіи, чтобъ Араспъ жрицу чрезъ письмо увѣдомилъ, что главной

жрецЪ есть ПринцЪ КлодомакЪ ея отецЪ, а ЕрихЪ его племянникЪ; притомЪ объявилЪ бы ей, что они намѣренїе имѣютЪ ее сЪ ПринцомЪ увезти, и чтобЪ она подЪ видомЪ звѣриной ловли, не приглашая никого изЪ своихЪ подружекЪ, вышла вЪ рощу, и обратилась бы кЪ берегу рѣки, гдѣ она найдетЪ судно, а о прочемЪ будутЪ они стараться. Сїе письмо опредѣлено было написать Араспу, дабы Гилдегарда зная руку его сумнѣваться не могла; а чтобЪ другїя весталки о томЪ не свѣдали, то вознамѣрились они послать оное кЪ ней вмѣсто обыкновеннаго отЪ главнаго жреца приказу обЪ Ерихѣ. Клодомаково намѣренїе было, чтобЪ на другой день кЪ нему итти, взявЪ сЪ собою

жреческое платье и его въ оное одѣть, и подъ симъ обманомъ, какъ жрица изъ своей свиты чрезъ стражу провести; но всѣ сіи намѣренія уничтожены были въ такое время, когда имъ исполниться надлежало. Прекрасная Принцесса Гилдегарда совѣтовалась съ своею вѣрною Тириндою о способахъ къ освобожденію своего избавителя, и оплакивая долго свое несчастіе, взглянула на нее такими взорами, которые бы наитвердѣйшіе нравы умягчить сильны были. Ахъ! любезная Тиринда, говорила она притомъ, должно ли погибнуть сему молодому герою, или тебѣ? Дружба твоя ко мнѣ ничего въ мысль не вложила, чѣмъ бы отвратить его смерть, послѣ которой я сама жить не

могу. Теперь не въ моей уже власти одолѣть мою къ нему склонность: то, что онъ для сбереженія жизни моей сдѣлалъ, побѣждаетъ весь мой разумъ. Вчера должна была я одолѣвать только пріятности, которыя бы время и добродѣтель изъ сердца моего истребить могли. Но увы! какое оружіе употреблю противъ благодарности; могу ли когда забыть, что сей любезный чужестранецъ отъ смерти меня избавилъ, и могу ли предать его смерти, не сдѣлавъ себя притомъ безчеловѣчною и не имѣющею ни малой благодарности?

Тиринда сожалѣя столькожъ о Ериховомъ несчастіи, какъ и жрициной печали, представляла ей многіе способы; но оные тре-

бовали продолжительнаго времени, къ чему нетерпѣливость прекрасной жрицы склониться не могла. Среди сего недоумѣнія пришло Тириндѣ на мысль, что начальникъ ихъ стражи ей ближній родственникъ, и что въ сей чинъ по ея прозьбѣ отъ прежней жрицы онъ произведенъ: почему возмамѣрилась она его упросить, зная, что онъ имѣетъ власть стражу такъ разставить, чтобы никто выходу заключеннаго противиться не могъ. Клодомира имѣла свободу ходить въ башню, гдѣ Ерихъ былъ заперть для присмотра за нимъ, что самое могло ее избавить отъ любопытства прочихъ весталокъ; но ей не позволено было его выводить, развѣ по приказу главнаго жреца,

когда онъ его потребуетъ видѣть. И такъ по симъ обстоятельствамъ надлежало объявить будто то отъ него приказано, и сїю тайность ввѣрить начальнику стражи, а безъ того не возможно было ни на что отважиться; но о семъ стараться взяла Тиринда на себя.

Жрицыно беспокойство умножаясь и самымъ малѣйшимъ замедленїемъ принудило ее скорѣе то зачать и испытать, не возможно ли будетъ плѣнному въ ту же самую ночь свободу доставить. Усердная Тиринда не долго медлила ее удовольствовать: она пошла къ начальнику стражи подъ тѣмъ видомъ, что ему отъ Клодомиры нѣчто важное объявить имѣетъ. Сей начальникъ былъ Саксонецъ, че-

ловѣкъ весьма честолюбивой и мстительной; онъ питалъ злобу противу Витекинда, которую никакое время изстребить не могло. Въ молодыхъ лѣтахъ своихъ былъ онъ у сего Князя любимцемъ, и чрезъ сїю честь имѣя право большаго счастїя надѣяться, влюбился въ одну дѣвицу знатнаго рода, и былъ также отъ нея любимъ. Поелику его фамилїя надѣялась чрезъ него у Короля получить себѣ милости, то и весьма легко ему было склонить ихъ на соизволенїе ихъ брака. Витекиндъ самъ казался тѣмъ доволенъ. Киндзонъ, такъ назывался Тириндинъ родственникъ, надѣялся быть на вершинѣ счастїя; но вдругъ увидѣлъ надежду свою разрушенну внезапною лю-

бовїю, которую Монархъ къ его невѣстѣ почувствовалъ; и какъ сему Князю ничто небезчестно казалось, когда страсти его удовольствїе требовали; то отнялъ ее у Киндзона, уничтожилъ его свадьбу и отослалъ его отъ двора. Сей столь несносной счастїю его и любви ударъ, принудилъ его нѣсколько лѣтъ жизнь свою проводить въ неизвѣстности; но какъ Тиринда въ чинъ Весталки вступила, то зная его жалкое состоянїе упросила бывшую предъ Клодомирою жрицу, чтобъ его начальникомъ обрѣтающейся при храмѣ ихъ стражи сдѣлали. И хотя она не надѣялась, чтобъ память показанной ему отъ Витекинда обиды, еще такъ твердо въ немъ пребывала, чтобъ его къ отмщенїю

побуждать могла; однако не смотря на то ласкала себя она еще и тѣмъ, что онъ изъ должной ей благодарности къ прозбѣ ея склоненъ будетъ. Въ сей надеждѣ объявила она ему свое сожалѣніе о томъ плѣнникѣ, и притомъ то негодованіе, которое она въ сердцѣ своемъ на законъ, приговаривавшій его къ смерти чувствуетъ, увѣряя его, что онъ ей никакого одолженія больше сего сдѣлать не можетъ, когда избавитъ отъ ножа сію невинную жертву: ибо жрица погибла бы безъ сомнѣнія, ежелибъ онъ быка не умертвилъ.

Ей не было нужды Киндзона долго уговаривать; онъ свѣдалъ, что Французской посолъ за плѣннаго вступается, и вездѣ говорятъ, что онъ Принцъ;

притомъ слышалъ, что мнѣнія объ немъ несогласны, и кажется, что только одинъ Витекиндъ желаетъ его смерти. Сей слухъ и Тириндина прозьба оживили опять въ сердцѣ его сохранявшееся мщеніе, и не думавъ ей сказалъ, что готовъ сей случай принять къ показанію ей своей услуги, съ тѣмъ только договоромъ, чтобъ жрица того не знала, и чтобъ онъ самъ съ нимъ уйти могъ. Тиринда зная сколь твердо онъ слово свое хранитъ, была рада, что ей такъ мало труда стоило уговорить его. Она обнадеживала его, что онъ вмѣсто Клодомирина гнѣва, еще и соизволенія на то надѣяться можетъ: потому что она сама свободы отъ плѣнника желаетъ.

По сему обѣщанію условились они, чтобъ онъ стражу отъ дверей храма свелъ, подъ тѣмъ видомъ будто увѣдомился, что нѣкоторые неизвѣстные люди намѣрились чрезъ ограду звѣринца перелесть и плѣнника силою увесть. Чего для разставилъ онъ всѣхъ позади храма, а между тѣмъ сказалъ, чтобъ жрица, когда всѣ весталки во снѣ погружены будутъ, въ башню пришла и узника свободивъ предала ему; а о прочемъ станетъ онъ уже самъ стараться. Тиринда обѣщала ему сіе намѣреніе точно исполнить, и пришедъ въ полной надеждѣ и радости къ жрицѣ, расказала ей все какимъ образомъ они то исполнить уговорились; а притомъ объявила и то, что въ

городѣ говорятъ о храбромъ ея избавителѣ. Сiе послѣднее удвоило въ Клодомириномъ сердцѣ желанiе о его избавленiи; она обнимала отъ радости Тиринду, и довольно ясно дала ей знать чрезъ свои чувствительныя ласканiя, какое великое участiе она беретъ въ Ериховомъ состоянiи.

Между тѣмъ не одну ее беспокоило его несчастiе: посолъ Карла Великаго свѣдавъ, что при жертвѣ учинилось, и не видя Принца, не сомнѣвался больше при объявленiи ему о храбрости побѣдителя дикаго быка, что конечно былъ сей молодой герой Ерихъ, и увѣряясь въ томъ отъ нѣкоторыхъ бывшихъ притомъ случаѣ изъ его свиты, пошелъ тотчасъ къ Ви-

текинду, и представлялъ ему съ великою ревностїю, сколь то народнымъ правамъ противно, чтобъ предпринимать что нибудь противъ свободы природнаго Принца, прїѣхавшаго въ Государство его подъ охраненїемъ тѣхъ правъ, кои въ посольской свитѣ находящихся безопасными дѣлаютъ; что Ерихъ будучи не ихъ житель, законовъ ихъ не знаетъ, и потому не можетъ быть обвиненъ умерщвленїемъ быка, избавивъ многихъ людей отъ смерти, коибъ лютости его подвержены быть могли; что напротивъ того сїе дѣло достойно хвалы. Наконецъ требовалъ онъ отъ него сего свѣтлѣйшаго плѣнника именемъ Карла Великаго, котораго за то мщенїемъ ему угрожалъ, когда

напротивъ того онъ можетъ дать ему миръ.

Но сей грубый Саксонецъ имѣя извѣстіе о приближеніи Датскихъ войскъ себѣ на помощь, и будучи весьма радъ, что такого знатнаго Христіанина получилъ въ свою власть, и на жертву идолу своему *Ирмензулу* привесетъ, отвѣчалъ послу гордо, что иностранные, какого бы званія ни были, должны поступать по законамъ той земли, гдѣ они по любопытству своему обрѣтаютс; слѣдовательно и Ерихъ оказавъ себя наказанія достойнымъ, должено умереть. Впрочемъ онъ не требуетъ у Карла Великаго мира, и оружія его не боится но господину послу совѣтутъ изъ Ересбурга выѣхать, есели не

хочетъ онъ возражая чѣмъ нибудь, поводъ подать къ заарестованію себя. Посолво отчаяніе было несказанно; но будучи не въ состояніи самъ отмстить показанное себѣ безчестіе, и довольно зная, что Государь его безъ наказанія не оставитъ, поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ, дабы увѣдомивъ Монарха о грозящемъ Норвежскому Принцу несчасти, просить его объотвращеніи онаго. Онъ въ туже ночь оставилъ сей крови жаждущей дворъ, і спѣшилъ сколько возможно скорѣе пріѣхать къ своему Королю, которой съ своей стороны не упуская времени, походъ свой продолжалъ съ тѣмъ намѣренемъ, чтобы Ересбургъ нечаянно атаковать.

Въ то время, какъ посолъ, можно сказать съ одной стороны летѣлъ на помощь Ериху, котораго Витекиндъ ласкался въ жертву принесть своему идолу, Клодомакъ на другой день изъ тюрмы его вывесть надѣялся; но еще болѣе поспѣшала прекрасная Гилдегарда исполнить свое намѣренїе, и ожидала съ нетерпѣливостїю пока всѣ весталки заснутъ, чтобъ итти въ башню къ сему свѣтлѣйшему плѣннику. Тиринда, исправлявшая все сїе дѣло, какъ скоро услышала колоколъ, которой всѣхъ весталокъ побуждалъ ко сну, пошла по всѣмъ кельямъ, дабы лучше увѣриться, чтобъ имъ никто въ ихъ предпрїятїяхъ препятствїя не учинилъ. И такъ видя вездѣ глубокую

тишину, которая ее въ безопасности обнадеживала, пошла съ жрицею со всякою осторожностїю къ Ериховой башни, которой о томъ ни мало не думалъ, чтобъ о его свободѣ старанїе имѣли, и въ то время о своей любви и предстоящей смерти въ печальнѣйшихъ мысляхъ своихъ упражнялся. Онъ не сомнѣвался, что посолъ о приключенїи его Карла Великаго увѣдомитъ, и что ему сей Монархъ вооруженною рукою на помощь пойдетъ. Но опасался притомъ видѣть жрицу подвергнутою несчастїю всего города Ересбурга. Онъ еще много думалъ и о томъ, что самъ Клодомакъ отъ того безопасенъ быть не можетъ, и незная тѣхъ приготовленїй, которыя онъ къ его

бѣгу чинилъ, ниже того, сколь нужно ему было жрицу участницею сихъ предпріятій сдѣлать, мучился превеликимъ беспокойствомъ; но среди сихъ глубокихъ размышленій услышалъ стукъ при дверяхъ тюрмы своей. Сколь велика была его радость, и сколь неописанно изумленіе, какъ онъ несравненную Клодомиру вшедшую увидѣлъ! Тиринда несла засженную свѣчу, а жрица имѣла въ рукахъ Ерихову саблю; необыкновенной часъ сего прихода, и вооруженная жрица едва не привели къ отчаянію Ериха, представляя, что она не для чего другаго пришла, какъ только чтобъ лишить его жизни: однакожъ онъ того не испугался, но еще радовался, что жизни

своей отъ такой дражайшей руки лишиться можетъ.

Какъ скоро она подошла, то онъ увидя ее дрожащу и робѣющу оказывалъ ей преданность столько, сколько цѣпи его ему позволяли; и смотря на нее съ страстїю и почтенїемъ говорилъ: соверши ударъ, государыня моя, и не медли наказать отважнаго, которой однакожъ рѣшился тебя любить до послѣдняго часа своей жизни. Ежели сїе преступленїе заслужило смерть, то причитаю я къ моей славѣ быть отъ васъ осужденнымъ. Не разсуждай такъ несправедливо о моемъ намѣренїи, отвѣчала она съ величественнымъ видомъ, снимая притомъ съ Тириндою съ него цѣпи. Ежели ты имѣешь такїя мысли, которыя меня оби-

дѣть могутъ, то будешь за то наказанъ отлученіемъ. Не хочу тебѣ отмщать лишеніемъ твоей жизни; я оставлю мой справедливой гнѣвъ изъ благодарности къ тебѣ, и забуду твои оскорбительныя мнѣ слова, воспоминая о томъ великомъ ужасѣ, которому ты себя за меня подвергалъ. Возвращу тебѣ твою свободу и оружіе, чтобъ ты оное противъ нападающихъ на жизнь твою употреблять могъ: но ежели то правда, что ты природный принцъ, изъ числа военныхъ служителей Карла Великаго, такъ докажи свою знатность, и упроси его, чтобъ онъ въ покоѣ оставилъ невинныхъ и боязливыхъ женъ, когда его военное счастіе опять побѣдителемъ Саксонцевъ сдѣлаетъ.

Ерихъ представляя себѣ тотъ ужасъ, которому себя сія великодушная весталка чрезъ его свободу подвергала, упалъ къ ея ногамъ, и давъ страсти своей совершенную волю, говорилъ: нѣтъ великодушная Кломира, я не оставлю здѣшняго храма, естьли ты со мною не пойдешь вмѣстѣ. Я не знаю кто ты, но только знаю, что то сердце, надъ которымъ я тебѣ при первомъ взорѣ совершенное господство далъ, не недостойно тебѣ предложено, и что Ерихъ Норвежской Принцъ не опасаясь тебя обидѣть, счастіе свое съ твоимъ соединить можетъ. Пойдемъ, государыня, оставьте богомерскую службу вашимъ идоламъ. Всемогущій для того только тебя такими совершенства-

ми одарилъ, чтобъ ты тѣмъ достойнѣе была его признавать, и ему покланяться. Отворите двери сего несчастнаго жилища; уведомимъ главнаго жреца о нашемъ побѣгѣ: его принуждаютъ и обязуютъ важныя причины меня любить и мнѣ последовать; онъ будетъ вамъ вмѣсто отца, его сѣдины и добродѣтели могутъ вамъ быть вѣрными поруками въ томъ, что мое почтенiе великой любви моей къ вамъ всегда равно будетъ.

Хотя бы Ерихъ и не съ такою горячностiю говорилъ, то и тогда бы изумленiе не позволило жрицѣ рѣчь его пресѣчь. Араспъ довольно увѣдомилъ ее о родителяхъ; ей извѣстно было ближнее родство съ Норвежскимъ Принцомъ: по чему тай-

ная радость овладѣла ея сердцемъ, какъ скоро она свѣдала, что, кого она не знавъ любила, есть тотъ самой Принцъ, которому ея родители съ самаго младенчества въ супружество ее назначили. И такъ не видя въ своей склонности ничего предосудительнаго, намѣрилась ему открыть свое рожденіе и съ нимъ уйти; но въ самое то время пересилило любовь ея движеніе стыдливости, и представило ей, что весьма безразсудно ввѣриться такому человѣку, которой тѣмъ назваться воленъ, чѣмъ не бывалъ, и можетъ откровенностію ея пользоваться. Сверхъ того она опасалась препятствіемъ быть его избавленія; потому что онъ для нее больше осторожности къ избѣ-

жанію гоненія употреблять будетъ обязанъ. И такъ, что бы его обезопасить отъ сего, то она рѣшилась его отпустить одного, дабы онъ тѣмъ свободнѣе могъ себя оборонять, ежели на него нападутъ. Впрочемъ слыша, что главный жрецъ съ нею равнаго мнѣнія, то думала она, что имъ легко будетъ средство сыскать его изъ храма вывести: почему намѣрилась тайность свою умолчать, и отказать въ принятіи того предложенія, которое она столько вредительнымъ своей чести, сколько помѣшательнымъ къ избавленію его отъ угрожаемаго бѣдства почитала.

При семъ намѣреніи однакожъ она не сильна была все то скрыть, что сердце ея чувство-

вало, и не могла съ Принцомъ растаться, не ободря его нѣкоторою надеждою. Чего для говорила она ему: я не удивляюсь Принцъ, что вы несчастливую Клодомиру не знаете; но я съ моей стороны совершенно вѣдаю, чѣмъ Принцу Ериху обязана. Сїе великое имя обязуетъ меня для важныхъ причинъ, которыхъ вамъ теперь открыть не могу; а желаю, чтобъ вы ихъ скоро свѣдали, не меньше какъ и благодарность васъ избавить; но не ждите, чтобъ оная вложенная въ меня склонность далѣе простерлась; я не боюсь жизнь мою презрѣть за ваше избавленїе, но боюсь подвергнуть честь мою опасности. Я для того только въ здѣшней храмъ прибѣжище мое возъимѣла, чтобъ избѣ-

жать поносныхъ желаній жестокаго Витекинда; но что бы онъ сказалъ, и сколь велика была бы его ярость, естьли бы онъ узналъ все, и насъ поймалъ! Ахъ! Принцъ, избавь меня отъ столь ужаснаго позорища. И ежели я нѣкоторою склонностію отъ васъ себя ласкать могу, такъ позволь, чтобъ я употребила то право, какое даютъ таковыя склонности, и тебѣ приказала мнѣ быть послушну. Я не противлюсь тому, что вамъ склонность ваша совѣтуетъ показать мнѣ не столь варварскія страны, каковы сіи, и осмѣливаюсь тебѣ признаться, что я Принца Ериха Саксонскому Королю предпочитаю; но не могу никакъ согласиться на теперешнее твое предложеніе.

Прекрасная жрица не могла сихъ словъ выговорить не закраснѣвшись; а Норвежской Принцъ тѣмъ приведенъ былъ столь внѣ себя, что къ изъясненїю своей радости словъ найти не могъ.

Но Тиринда не давая ему времени употреблять краснорѣчїя, принуждала Клодомиру итти изъ башни. Прекрасная жрица съ такимъ видомъ приказала плѣннику своему за собою итти, что онъ былъ принужденъ волю ея исполнять. Она отдала ему его саблю и вела при темномъ свѣтѣ отъ фонаря, которой Тиринда несла до Киндзонова поста; онъ намѣренъ уже былъ отперетъ двери храма и его выпустить; какъ вдругъ учинился преужасной крикъ, и со всѣхъ

сторонѣ храма подняли тревогу. Многія весталки, не знающія нимало о семъ намѣреніи, прибѣжали со стражею, и окруживъ ихъ взяли жрицу, и всѣ силы свои употребляли Ериха опять заключить. Но сей храброй Принцъ приведенъ будучи ужасомъ своей Клодомиры въ крайнюю ярость, и стараясь избавить себя и сихъ двухъ несчастныхъ весталокъ, оборонялся съ такою храбростію, что разогналъ всю прихрамную стражу и нѣкоторыхъ изъ нихъ порубилъ, да и не пощадилъ бы самихъ весталокъ, естьли бы ихъ удвоенной крикъ не вызвалъ всѣхъ жрецовъ и стражу *Ирмензулова* храма съ Клодомакомъ и Араспомъ, которые дознавшись о подлинной тому

причинѣ, прибѣжали, и будучи безоружины не знали что дѣлать. Стража заключила бы и ихъ самихъ, ежелибы они хотя малое согласіе съ Ерихомъ показали. И такъ главный жрецъ не зная къ чему приступить, рѣшился показывать себя равно другимъ огорченна. Но когда Ерихъ всѣхъ въ страхъ и ужасъ своею храбростію приводилъ, и съ помощію чрезвычайной храбрости также начальника стражи всѣхъ тѣхъ разогналъ, которые къ нему приближиться хотѣли: тогда употребилъ Клодомакъ сей безпорядокъ себѣ въ пользу, и довольно разсудя, что Ерихъ не премѣнно множеству уступить принужденъ будетъ, далъ знакъ вѣрному своему Араспу, которой узналъ его

мнѣніе, и самъ взялъ оружіе однаго умирающаго воина, и будто помогая другимъ, такъ сильно на бившихся напалъ, что принуждалъ ихъ изъ храма вытти. Темность ночи скрыла потомъ того отъ ихъ глазъ, котораго они мертва или жива достать хотѣли.Араспъ подошедъ къ Ериху объявилъ ему о себѣ и просилъ, чтобъ онъ ему послѣдовалъ.

Принцъ, такъ какъ и непріятели его, удержаны будучи темнотою отъ дальняго сраженія, подалъ ему руку и позволилъ себя вести. Араспъ пришелъ съ нимъ къ храму главнаго жреца, а оттуда отвелъ въ подземной ходъ, и тамъ его заперъ; а самъ пошелъ опять на сраженіе, и вмѣшался между

стражею, которая храбраго Киндзона почитая за Ериха съ ногъ сбила и умертвила. Потомъ возвратилась съ побѣдоноснымъ восклицанiемъ къ Весталкамъ, которыя увѣдомили о томъ главнаго жреца, представляя, что старшая изъ весталокъ услышала въ звѣринцѣ, гдѣ ея келья, голосъ, вышла съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобъ Клодомиру о томъ увѣдомить, и любопытствуя услышала она голосъ подлѣ башни; она нѣсколько подошла, и съ неописаннымъ удивленiемъ увидѣла, что жрица ведетъ плѣнника за руку къ храмнымъ воротамъ, чтобъ его избавить отъ наказанiя за его преступленiе; она не стерпя, чтобъ честное имя весталокъ такимъ образомъ обругано было, дала чрезъ воен-

ную трубу знакъ, чтобъ чрезъ то своихъ сестръ и стражу призвать на помощь. Причемъ присовокупили все, что оне именемъ всехъ просятъ Клодомиру наказать смертїю назначенною темъ изъ весталокъ, которыя сего званїя чрезъ обхожденїе съ мущинами недостойными себя сделаютъ. Какъ скоро сїя главная изъ нихъ речь окончала и жрецъ выслушалъ ее съ потупленными внизъ глазами, не удостоя ее ни однимъ словомъ въ ответъ, тогда объявили Киндзоновы победители беглецову смерть. Сїя ужасная ведомость больше действїя учинила въ Клодомириномъ сердце, нежели все ругательства, которыя она отъ ревнивыхъ своихъ подругъ терпеть была принуждена: она упа-

ла въ обморокѣ къ Тириндѣ върук руки, которая въ семъ печальномъ случаѣ отъ нее не отходила. Несчастной Клодомакъ не имѣя при себѣ Араспа, чтобъ узнать правду, и чувствуя печаль о жрицыномъ состоянiи, крайне старался ей помочь, и велѣлъ ее противъ воли ея доносительницы отнесть въ ея камору, гдѣ его и вѣрной Тиринды старанiе ей опять жизнь возвратило, но только для пролитiя многихъ слезъ. Главный жрецъ хотѣлъ ей дать отраду, и объявить, что онъ ей отецъ; но обстоятельства къ открытiю такой тайности были не способны, и принудили его къ молчанiю. Онъ увидя ее въ совершенной памяти опредѣлилъ Тиринду и еще двухъ ея подругъ, которыя

истинно печальными о семъ приключенїи казалися, чтобъ онѣ объ ней старанїе имѣли, а другимъ всѣмъ запретилъ къ ней приходить; послѣ того самъ пошелъ искать Араспа, которой у дверей храма его ждалъ, для того что весталки ему далѣе итти не позволяли.

Араспъ увѣдомилъ его о Ериховой безопасности, и что караульные въ темнотѣ офицера Киндзона за его почли, а Принцъ въ подземномъ храмѣ запертъ. Сїи слова дали опять главному жрецу нѣкоторую надежду: почему онъ началъ думать только о способахъ, чтобъ Гилдегарду избавить отъ строгости варварскихъ законовъ, кои тѣхъ весталокъ живыхъ закопать осуждаютъ, противъ добродѣтелей

которыхъ подозрѣнїе могло доказано быть. Клодомакъ довольно зная сей свирѣпой обычай, созвалъ ихъ всѣхъ и представлялъ, что ихъ собственная честь требуетъ равное сожалѣнїе показывать, какое жрица о'плѣнниковомъ несчастїи имѣла; что она симъ только и побуждена была ему свободу возвратить; а впрочемъ онъ о добродѣтели ея довольно увѣренъ: однакожъ онъ за безразсудность ея не преминетъ ее самъ наказать. Весталки были тѣмъ довольны; Клодомакъ ихъ притомъ просилъ не допустить, чтобъ Король о правдѣ сего приключенїя свѣдалъ, говоря, что довольно имъ уже и того, что *Ирмензулъ* плѣнниковою смертїю умилостивенъ.

Молодыя весталки соглашались на сїе; но старыя завидуя Клодомириному достоинству противились тому всѣми силами: имъ досадно было, что принуждены послушны быть повелѣнїямъ такой молодой жрицы, и надѣясь чрезъ ея погибель получить новой свѣтъ своей лживой добродѣтели, не премѣнно требовали ея смерти, и объявили великому жрецу, что онѣ на самаго его у Короля будутъ удовольствїя просить, ежели онъ по законамъ ее не накажетъ. Клодомакъ не хотя ихъ противъ себя раздражить, и не видя ни какого средства къ избавленїю жрицы, рѣшился притвориться согласнымъ на ихъ мнѣнїе, и обѣщалъ конечно донести Витекинду о ихъ вѣрности и до-

бродѣтели. Потомъ увидѣлъ онъ при осмотрѣ караульныхъ, что бывшїе при храминѣ весталки и стражи съ своимъ начальникомъ всѣ побиты, и для того принужденъ былъ имъ часть своего караула дать. Сїе тѣмъ охотнѣе онъ учинилъ, что чрезъ то подозрительныхъ всѣхъ отъ себя онъ могъ отдалить, и только тѣхъ оставить, которые ему были вѣрны. Онъ велѣлъ побитыхъ всѣхъ прибрать, и дабы о Ерихѣ всѣ въ невѣденїи осталисья, пошелъ самъ на мѣсто сраженїя съ вѣрнымъ своимъ Арасиомъ, котораго всѣ почитали за бѣднаго пастуха, живущаго у него изъ милости, и поступалъ съ такою осторожностїю, что никто ничего подозрительнаго не примѣтилъ.

Они взбросили безъ разбору всѣ тѣла на срубъ, и по обычаю ихъ сожгли, увѣряя, что и плѣнникъ съ нимижъ: ибо Киндзонъ такъ былъ изрубленъ, что его никакъ узнать было не можно. Потомъ пошли Клодомакъ и Араспъ въ подземельной ходъ, и нашли тамъ храбраго Ериха не столь печалющагося о томъ, что съ нимъ станутъ дѣлать, приведши въ такое темное мѣсто, сколько объ опасности своей жрицы. Они уговорились, чтобъ не объявлять ему угрожаемаго ей бѣдствія, и склонить, чтобъ онъ наискорѣе сіе мѣсто оставилъ. Для того употребляли все свое краснорѣчіе его увѣрить, что все въ совершенной безопасности, и чтобъ онъ пользуясь слухомъ о его смерти къ Кар-

лу Великому возвратился, и побуждалЪ бы кЪ походу его войско; но сей ПринцЪ не имѣлЪ больше силы скрыть отЪ Клодомака свои движенїи, когда КлодомакЪ обЪявилЪ ему, что онЪ не одинЪ вЪ ея жизни участїе имѣетЪ; но что родительская любовь кЪ ней не допуститЪ оставить ее во власти варваскаго народа. Не сомнѣвайся о томЪ непобѣдимый ЕрихЪ, говорилЪ КлодомакЪ, увидя его удивленїе: сїя Клодомира, плѣнившая твое сердце и избавленная тобою отЪ смерти, и презрѣвшая для тебя жизнь свою, есть та самая Гилдегарда, по которой я столь много слезЪ пролилЪ, и которая бывЪ за два года увезена неизвѣстными, была искома АраспомЪ. Потому разсуди, доро-

гой Ерихъ, можешь ли ты опасаться, чтобъ я ее оставилъ: ахъ! бойся больше, что ты своимъ присутствїемъ сдѣлаешь намѣренїю моему помѣшательство. Все мое желанїе состоитъ въ томъ, чтобъ ты былъ счастливъ. И такъ не сомнѣвайся получить отъ руки моей Гилдегарду; но подумай, что ты уничтожа слухъ о твоей смерти наведешь и мнѣ погибель.

Сего довольно было для того, чтобъ Ериха склонить на совѣтъ Клодомаковъ; и хотя имъ тогдашнее состоянїе не позволяло предаваться совершенной радости, что въ Клодомирѣ нашли они Принцессу, назначенную ему въ супругу; однако оная довольно видна была въ Ериховомъ увѣ

реніи главнаго жреца, что сіе познаніе любовь его умножаетъ. Онъ радостно обнималъ Араспа и просилъ ихъ обоихъ дать наставленіе, что ему въ доказательство имъ своего послушанія, благодаренія и искренней любви къ прекрасной Гилдегардѣ дѣлать надлежитъ. Они показали ему выходъ изъ подземнаго своду, которой былъ къ рѣкѣ, гдѣ вѣрной Араспъ на берегу имѣлъ готовое судно, и просилъ его на ономъ ѣхать къ Ересбургу, гдѣ въ то время стояли Французскія войска, и туда поспѣшать съ тѣмъ обнадеживаніемъ, что можетъ быть прежде, нежели онъ къ Карлу Великому пріѣдетъ, въ лагирѣ его они съ Гилдегардою увидятъ.

Принцъ подкрѣпляемъ любо-

вїю, принялъ столь смѣлое, сколь чрезвычайное намѣренїе. Онъ склонился на ихъ прозбу, и не теряя времени простился съ Клодомакомъ; поручивъ ему Принцессу клялся опять въ семъ городѣ быть еще прежде, нежели они отправятся. Араспъ отвалилъ камень, и Принцъ увидя, что сей выходъ безъ великаго труда отворить можно, утвердился въ своемъ тайномъ намѣренїи, сѣлъ съ Араспомъ въ судно, и тотчасъ удалились отъ сего печальнаго мѣста. Какъ скоро Клодомакъ ихъ изъ виду выпустилъ, онъ затворилъ опять выходъ: ибо Араспъ хотѣлъ обыкновенною дорогою въ городъ возвратиться, будучи по своему пастушьему платью отъ всякаго подозрѣнїя безопасенъ.

Между тѣмъ временемъ, какъ Ерихъ и Араспъ подъ прикрытїемъ ночной темноты по желанїю своему плыли, Клодомакъ довольно зная, что старыя монахини по своему мщенїю Ветекинда о своемъ безпорядкѣ увѣдомятъ, намѣрился ихъ упредить, и Клодомирѣ получить отъ него милость по прежней его къ ней любви. Въ семъ намѣренїи пошелъ онъ во дворецъ, надѣясь первымъ быть при увѣдомленїи; но свѣдалъ къ крайнему огорченїю, что Король о всемъ уже извѣстенъ, и въ такой ярости былъ, которую укротить было не можно. Онъ стоялъ посреди придворныхъ и имѣлъ въ рукахъ своихъ письмо отъ той, которая Клодомиру подсмотрѣла. И какъ главнаго

жреца увидѣлъ, то подошедъ къ нему и смотря отъ гнѣва пылающими глазами, говорилъ: *Ирмензуловъ* жрецъ! я повелѣваю тебѣ Клодомиру по законамъ наказать: боги наши разгнѣваны лишенїемъ ихъ жертвы, и требуютъ отмщенїя. Я наведу оное на себя и на народъ, ежели умедлю обидѣвшую ихъ принести имъ въ жертву: она только одна причиною столь многаго безпокойства.

Клодомакъ стараясь только о продолженїи сего исполненїя, не хотѣлъ его еще больше защитою жрицы раздражать; но чтобъ искуснымъ образомъ его усмирить, отвѣчалъ: жрицыно преступленїе, милостивой государь! мнѣ извѣстно; но какъ я знаю сколько она вамъ преж-

де была любезна, то чаялъ, что любовь оная сїе преступленїе не столь великаго наказанїя достойнымъ представитъ. Почему почелъ я за мою должность безъ вашего соизволенїя ничего съ нею не дѣлать, вѣдая притомъ, что *Ирмензуловъ* гнѣвъ иностранцовою кровїю уже успокоенъ. Но мое еще не успокоено, отвѣчалъ ему звѣронравный Король; неблагодарная Клодомира очень ясно показала, что добродѣтель никакого участїя въ презрѣнїи моей любви не имѣла; по тому что она для иностранца забыла должность своего чина: пускай *Ирмензуль* одинъ будетъ Витекиндовъ соперникъ, иностранецъ сталъ ему жертвою, а Клодомира мнѣ будетъ; народъ весь въ ужасѣ, воины

мои въ страхѣ, сїе приключенїе почитаютъ такимъ несчастливымъ предзнаменованїемъ, каковому никакого примѣра вспомнить не могутъ. Они чаютъ уже видѣть Христїанъ предъ своими стѣнами: надобно жрицыною кровїю ихъ опять ободрить, и чрезъ пять дней къ войску своему отправиться и итти на встрѣчу Французамъ, и для того Клодомира предъ моимъ отъѣздомъ наказанїе свое должна получить, дабы сїе дѣйствїе правосудїя воинамъ добрую надежду подало. Послѣ сего жестокаго приказу отослалъ онъ отъ себя Клодомака, который не могъ его склонить, чтобъ выслушалъ его представленїе. Сїе печальное состоянїе легко себѣ пред-

ставить можно: онъ видя себя безоружна, безъ помощи и посреди суевѣрнаго народа, и варварскаго двора, не могъ больше ничего дѣлать, какъ только не послѣдуя разуму принять притворность; но богъ хотѣлъ его освободить отъ ослѣпленія чрезвычайнымъ *путемъ*, *и* употребляя естественныя движенія къ отвращенію сего богомерскаго идолослуженія, влїялъ въ него такое омерзѣніе къ той жестокости, которую послѣдующїе тому имѣютъ, что онъ пришедъ домой въ крайней печали поднявъ руки свои къ небу, говорилъ: всесильный Боже! избавь невинную Гиллегарду, отврати бурю грозящую мнѣ погибелью: я клянусь посвятить тебѣ остатокъ моей жизни. Сїя сокрушен-

ная молитва весьма скоро получила удовольствїе. Беспокойный и смущенный Клодомакъ погружен будучи въ своей печали ходилъ по покою своему взадъ и впередъ, и ожидалъ съ нетерпѣливостїю Араспова возвращенїя; но не получа себѣ ни малаго утѣшенїя сошелъ въ подземной сводъ и былъ нѣсколько времени въ прежнемъ движенїи. Его смущенныя мысли препятствовали ему употреблять свой разсудокъ. Онъ долгое время будучи въ семъ пустомъ мѣстѣ, вовелъ нечаянно глаза свои на сводъ, отъ чего вдругъ сквозь мракъ отчаянїя отягчавшаго его мысли блеснулъ лучь надежды, и возбужденный разсудокъ представилъ ему, что когда въ его власти состоитъ избрать то

мѣсто, гдѣ жрицу закопать; то можетъ учинить сїе надъ симъ сводомъ, и чрезъ то способъ сыскать ее внизъ опустить, такъ что сего примѣтить не можно. Онъ благодарилъ бога, вперившаго въ него сїю мысль, и прїуготовилъ тайно всѣ надобности, потребныя къ счастливому исполненїю сего намѣренїя. До наступленїя дня упражнялся онъ еще въ нужныхъ разсужденїяхъ о семъ предпрїятїи; а какъ уже часъ Араспова возвращенїя приближаться сталъ, тогда пошелъ въ свою камору его ожидать. Скоро потомъ пришелъ сей вѣрный другъ, и увѣдомилъ его, что Принца перевезъ безъ всякаго приключенїя на другую сторону рѣки до самаго постоялаго двора, гдѣ онъ лошадей

съ проводникомъ взялъ, и съ нимъ въ той надеждѣ разстался, чтобъ опять скоро возвратиться. Главный жрецъ весьма радовался, что Принцъ въ безопасности, и расказалъ Араспу, что онъ безъ него дѣлалъ, и какъ намѣренїе принялъ къ избавленїю Гиллегарды. Араспъ не меньше показывалъ ему о томъ свою радость, и имѣя свободу безъ всякаго задержанїя въ храмъ и изъ храма ходить, онъ взялъ на себя приготовить потребныя къ сему предпрїятїю орудїя, что въ тотъ же день и исполнилъ; и въ послѣдующую ночь работалъ вмѣстѣ съ главнымъ жрецомъ такъ удачно, что великую плиту изъ свода вынули, и чрезъ то довольно мѣста сдѣлали человѣку пройти;

потомъ оную вложили опять въ ея мѣсто, и сдѣлали машину со отвесомъ, чрезъ что ту плиту по угодности опустить и опять поднять можно было. Сіе исправя пробили сводъ, чтобъ съ наружи познать то мѣсто, гдѣ они тотъ камень вынули; послѣ чего главный жрецъ онаго искалъ на верьху, и нашелъ оное въ святилищѣ храма на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ жрицу по правиламъ живую закопать надлежало. Въ послѣдующую ночь трудились они надъ могилою, и оставили нѣсколько земли, сколько къ прикрытію ихъ работы потребно было. Но прежде хотѣлъ Клодомакъ самъ освидѣтельствовать сей вымыселъ: онъ легъ въ могилу, а Араспъ внизу дѣйствовалъ машиною; и

когда главный жрецЪ безЪ всякой опасности внизЪ опустился, то радость о сей выдумкѣ прогнала вдругЪ все напоминанїе ихЪ несчастїя, и ободрила ихЪ кЪ совершенному окончанїю сего великаго намѣренїя. Они задѣлали то мѣсто такЪ изрядно, что не возможно было узнать ихЪ работы. ВЪ семЪ дѣлѣ упражнялись они трое сутки, вЪ которое время ВитекиндЪ и весталки не преставали главнаго жреца понуждать кЪ Клодомириной смерти, и она напротивЪ того ожидала сего несчастливаго часа сЪ такою бодростїю, которая и самыхЪ варваровЪ удивляла.

Она конечно чая, что ЕрихЪ убитЪ, почитала смерть свою не инако, какЪ концемЪ своего

мученія, и вмѣсто того, чтобъ оной бояться, она еще желала окончать жизнь свою, которую любовь и печаль ея несносною дѣлали. Между тѣмъ вѣрная Тиринда не преставала съ самаго начала сего несчастія, проливать слезы; она винила небо, землю и людей несправедливостію и жестокостію, и не пропускала накакого случая укорять весталокъ въ безчеловѣчныхъ ихъ поступкахъ; но ни Клодомирина твердость, ни Тириндины ругательства и слезы не могли ихъ сердца смягчить. Наконецъ будучи принужденъ Клодомакъ публично объявить приговоръ жрицѣ и ея повѣренной, въ третей день помянутой работы взошелъ при собраніи народа на свое судебное мѣ-

сто въ храмѣ, и объявилъ громкимъ голосомъ, что надлежитъ жрицу въ наказаніе ея преступленія живую закопать въ землю, и Тиринду ея сообщницу объявивъ недостойною жить между весталками, лишилъ ее сего славнаго званія, и опредѣлилъ, чтобъ она сама жрицу въ могилу положила; и потомъ вѣчнобъ изгнана была изъ своего отечества. Причемъ присовокупилъ, что исполненіе сего приговора въ будущую ночь при факелахъ съ великолѣпіемъ начнется, какъ того приносимая въ Клодомириной жизни *Ирмензулу* жертва требуетъ.

Сему приговору показалъ варварской народъ съ великимъ восхищеніемъ свое согласіе; и хо-

тя главный жрецъ въ избавленіи дочери своей севершенно былъ увѣренъ, однако радость весталокъ привела его въ печаль; онъ не могши скрыть того, тотчасъ съ Араспомъ отъ нихъ удалился, подъ тѣмъ видомъ, чтобы тотъ день и ночь препроводить въ усиненіи, въ постѣ и молитвѣ, о чемъ также и прочимъ жрецамъ приказъ отдалъ, чтобъ они чрезъ то Бога своего умилостивить старались.

Между тѣмъ Ерихъ предвидя часть происходящаго въ Respect Ересбургѣ дѣйствія, и желая пресѣчь исполненіе онаго, поспѣшилъ своимъ походомъ, такъ что при окончаніи того дня, въ которой изъ Ересбурга отправился, онъ пріѣхалъ на гра-

ницу Графства Валдека, и перемѣнивъ тамо лошадей и проводника, продолжалъ путь свой съ такою скоростію, что въ короткое время пріѣхалъ на сборное мѣсто войскъ Карла Великаго, гдѣ уже многіе корпусы оныхъ стояли въ готовности. Ихъ радость о пріѣздѣ храбраго Норвѣжскаго Принца была неизрѣченна; а онъ пользуясь къ себѣ любовію воиновъ, выбралъ изъ нихъ сто храбрѣйшихъ человѣкъ, велѣлъ ихъ по Саксонски вооружить и одѣть, и самъ одѣвшись такимъ же образомъ послалъ нарочнаго къ Карлу великому съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи, прося притомъ, чтобъ онъ походомъ своимъ къ Ересбургу поспѣшалъ. Послѣ сего повелъ самъ своихъ

выбранныхъ до рѣки Имели, которыхъ Саксонцы увидѣвъ чрезъ свою землю идущихъ, за своихъ собственныхъ почитали. По трехъ дняхъ переправились они чрезъ рѣку, и пришли къ выходу подземельнаго подъ храмъ свода. Ерихъ велѣлъ отвалить камень, и сдѣлалъ своимъ солдатамъ свободной путь; но какъ приходъ его случился въ самой часъ Клодомирина погребенія, то крайне испужался онъ увидѣвъ на семъ мѣстѣ множество факалъ и Араспа только одного, которой ни на что больше, какъ только на сводъ съ великимъ прилѣжаніемъ смотрѣлъ. Между тѣмъ помѣшалъ ему въ томъ шумъ, которой Ерихъ при входѣ съ своими салдатами учинилъ; онъ увидѣлъ вооруженныхъ лю-

дей ; и отчаясь совершить желаемое, а особливо признавЪ ихЪ за Витекиндовыхъ драбантовЪ, ни о чемЪ больше не помышлялЪ, какЪ бы избавиться гнуснаго позорища, которое онЪ видѣть, какЪ онЪ думалЪ, принужденЪ будетЪ. ВЪ сихЪ мысляхЪ вскричалЪ онЪ имЪ на встрѣчу: начинайте варвары вашу жестокость и лишите меня жизни, содѣлайте меня первою жертвою отмщенія вашего. Любезный АраспЪ, говорилЪ ему ПринцЪ, не ошибайся, узнай Ериха, которой КлодомирЪ пришелЪ на помощь, отвори намЪ путь кЪ храму, пусти насЪ вЪ городЪ, чтобЪ я Французскому войску стоящему предЪ стѣнами здѣшними вЪ силахЪ былЪ вороты отпереть.

Сіи слова и присутствіе Норвежскаго Принца успокоили опять Араспа. Онъ расказалъ ему кратко, что чрезъ часъ или два учинится, и просилъ, чтобъ дождался конца, не начиная своего предпріятія. Ерихъ ужаснулся о сей вѣдомости, и представляя себѣ, что Клодомакова лесть есть недостаточна къ избавленію Гилдегарды, хотѣлъ сію церемонію разрушить, и всю кровію и огнемъ наполнить, и къ Витекинду пробившись вонзить ему кинжалъ въ грудь. Но Араспъ надежно его увѣрилъ, что Принцессу въ самомъ семъ сводѣ скоро увидитъ безъ всякаго вреда, представляя притомъ, что его торопливость испортитъ все. Ерихъ наконецъ на все то согласился, чего онъ требовалъ.

Потомъ оба они замолчавъ поставили солдатъ безъ всякаго шуму въ доль свода въ два ряда, и изготовившись машиною своею въ надлежащее время действовать, ожидали уреченнаго къ тому знака.

Между тѣмъ временемъ какъ сіе подъ храмомъ происходило, пришла наконецъ невинная Клодомира, окруженна своими жестокосердыми подругами; она имѣла закрытые глаза, и связанныя назади руки, и стояла предъ собравшимися въ храмѣ народомъ. Неутѣшная Тиринда лишена всѣхъ весталкѣ подлежащихъ украшеній и безъ покрова слѣдовала за нею, показывая на лицѣ своемъ великое отчаяніе. Потомъ шли жрецы подъ предводительствомъ главнаго

жреца; и какъ назначенная жертва въ такомъ порядкѣ въ святилище храма приведена была, причемъ Витекиндъ со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовалъ: тогда велѣлъ главный жрецъ открыть могилу, и по учиненіи того подошелъ къ Клодомирѣ, и спрашивалъ, не хочетъ ли она что нибудь сказать; ни чего, отвѣчала она: я умираю невинною, однако съ радостію. Сіи слова возбудили въ подломъ народѣ нѣкоторое роптаніе, которое препятствовало слышать, что вкругъ жрицы стоящіе говорили. Клодомакъ пользуясь симъ случаемъ притворился будто оправлялъ ея перевязку, между тѣмъ ей говорилъ: не бойся ничего, любезная Гилдегарда, Ерихъ живъ и ты не умрешь; отецъ

тебя тѣмъ обнадеживаетъ. Послѣ того велѣлъ тотчасъ подойти Тириндѣ и приказалъ ей громкимъ голосомъ жрицу въ могилу свести. Тиринда, будучи и безъ того въ бѣдственномъ состоянїи и въ отчаянїи не хотѣла слушать сего приказу. Клодомира подошла къ ней въ томъ намѣренїи, чтобъ ее утѣшить; такимъ образомъ великодушная Тиринда прунуждаема будучи отъ весталокъ и главнаго жреца, сошла съ нею въ могилу, и легла подлѣ ее, откуда уже она и сама не хотѣла вытти; обрадованный главный жрецъ объявилъ потомъ, чтобъ ихъ обѣихъ покрыть надгробнымъ камнемъ. Сей приказъ въ одинъ моментъ исполненъ былъ. Какъ скоро сїе было учинено, то Кло-

домакъ трижды молоткомъ по камню ударилъ, при чемъ объявилъ Араспъ Ериху, что ето уреченный знакъ. Они тотчасъ отвели свои машины, чрезъ что нижней камень могилы къ нимъ спустился, и на немъ узрѣли они обѣихъ весталокъ въ превеликомъ ужасѣ; онѣ думали, что земля подъ ними разстворилась, и не меньше устрашились, какъ и особливаго образа своея смерти. Араспъ также испугался увидя двухъ женщинъ; онъ снялъ тотчасъ Тиринду, а Принцъ Клодомиру, и развезавъ руки Клодомирѣ и глаза, посадилъ подлѣ Тиринды на землю. Они смотрѣли другъ на друга со изумленіемъ, обращали глаза свои на всѣ стороны и старались истолковать себѣ свое приклю-

ченіе. Но ПринцЪ Норвежской вывелЪ ихЪ изЪ сего невѣденія, говоря: опомнись прекрасная Принцесса, разсмотри Ериха, стоящаго предЪ тобой, которой Араспу и Клодомаку помогать хочетЪ вЪ избавленіи отЪ сего несчастливаго мѣста. Не сомнѣвайтесь о томЪ, милостивая Государыня, говорилЪ АраспЪ, подошедЪ кЪ ней ближе: небо сохранило не токмо Принца Ериха, но возвращаетЪ вамЪ притомЪ вашего свѣтлѣйшаго родителя Араспа, котораго вы толь долгое время симЪ именемЪ почитать изволили.

О небо! вскричала наконецЪ Гилдегарда, что я вижу и слышу, не обманываютЪ ли меня мои чувства? мой отецЪ, дражайшій ПринцЪ! не во снѣ ли я

вижу? и не смерть ли, или страхъ помрачилъ мои мысли, что я приведеніе за истинныхъ людей почитаю? Тиринда будучи не меньше въ изумленіи говорила томужъ подобное, и не могла понять сего приключенія; но какъ уже ихъ Принцъ и Араспъ о сей тайности онаго увѣдомили, то опомнились онѣ совершенно и дали свободу своей радости, много благодаря своихъ избавителей. Прекрасная Гилдегарда признавалась, что помнитъ слова главнаго жреца, которыя сходствуютъ съ Арасповымъ объявленіемъ, и съ тѣмъ почтеніемъ, которое она въ первой разъ его увидя въ себѣ почувствовала. Она хотѣла съ нетерпѣливостію своего родителя видѣть, просила Арасна, чтобъ онъ его

призвалъ; но въ самое то время Клодомакъ самъ къ нимъ сошелъ.

Не надобно было важнѣе той причины, для которой онъ сошелъ; но въ какой ужасъ приведенъ онъ былъ, какъ увидѣлъ вооруженныхъ солдатъ! Однакожъ Гилдегарда и Норвежскій Принцъ такъ скоро вывели его изъ страха, представъ его глазамъ, что онъ не имѣлъ времени о томъ и разсуждать. Принцесса хотѣла упасть къ его стопамъ, но онъ удержавъ ее говорилъ: Ахъ любезная Гилдегарда! сколь бѣдственно было мнѣ твое разлученіе, и сколь многимъ благодареніемъ обязаны мы судьбѣ, которая насъ такими чудными путями опять соединяетъ. Принцесса отвѣчала на сіи слова искреннѣйшими

ласканїями; потомъ представили ему Тиринду, и просили быть ей вмѣсто отца, и позволить, чтобъ она во всю жизнь ея была при Гилдегардѣ, что она съ такимъ великодушїемъ и въ смерти разлучиться съ нею не хотѣла. Клодомакъ принялъ весьма ласково сїю любезную весталку и приписывалъ ей великїя похвалы, съ тѣмъ обнадеживанїемъ, что онъ при учиненномъ объ ней приговорѣ никакого больше намѣренїя не имѣлъ, какъ только чтобъ ее свободить изъ храма и не разлучить съ Гилдегардою. Араспу были доказательства ея основательной дружбы весьма чувствительны, и возбудили въ немъ къ ней такое почтенїе, которое любовїю назваться могло; но какъ об-

стоятельства сихъ светлейшихъ особъ, не позволяли иметь других мыслей, кроме техъ, чтобъ скорее вытти изъ того места; то объявилъ Ерихъ Клодомаку сколь то потребно, чтобъ ему съ своимъ войскомъ войти въ городъ: для того что онъ обещалъ Карлу Великому въ ту же ночь входъ въ оной отворить, разсуждая, что въ то время какъ въ семъ подземномъ входе онъ находился, то Король уже непременно къ городу подошелъ.

Наконецъ по многимъ разсужденiямъ определили, чтобъ Клодомакъ съ вернымъ Араспомъ и съ тритцатью человеками изъ Ериховыхъ солдатъ остались для охраненiя храма, и всегдабъ въ готовности были въ

случаѣ противнаго приключенія, бѣжать чрезъ подземной сводъ; а Принцъ съ прочими одни городскіе вороты занялъ. Какъ скоро въ ночной тишинѣ всѣ погружены стали, тогда вышелъ Ерихъ съ своими солдатами во всякой осторожности изъ храма въ потаенные ворота, ведущіе къ лѣсу, гдѣ стоящей караульной главному жрецу совершенно преданъ былъ, изъ всѣхъ обстоятельствъ усмотря великое предпріятіе, просилъ, чтобъ ему для показанія своей ревности съ Ерихомъ итти позволено было, на что онъ тѣмъ охотнѣе склонился, разсуждая, что ему сей Саксонецъ полезнымъ будетъ въ его намѣреніяхъ.

Онъ опасался только того, что Карлъ еще можетъ быть

не прителъ; но сей непобѣдимой Монархъ учинилъ такія приуготовленія, и разосланные его шпіоны столь изрядно ему служили, что онъ свѣдалъ чрезъ нихъ, что Витекиндова армія за нѣсколько миль отъ Ересбурга собралась и ожидаетъ своего Короля, и вспомогательнаго Датскаго войска; онъ поспѣшалъ столь не усыпно къ той сторонѣ, что въ вечеру предъ Принцессиномъ погребеніемъ уже въ виду у непріятеля сталъ, и давъ сраженіе разбилъ въ конецъ Саксонцовъ. Онъ походъ свой продолжалъ потомъ до Ересбургскихъ стѣнъ прежде, нежели Витекиндъ нѣкоторое извѣстіе о пораженіи своего войска получить могъ: между тѣмъ Норвежскій Принцъ шелъ

чрезъ городъ, и назвался при главномъ караулѣ Саксонцомъ, которой языкъ какъ природной свой зналъ, обьявя притомъ пароль сказанной ему отъ помянутаго караульнаго, и велѣлъ себѣ, представляя Витекиндовъ указъ, отпереть ворота, чтобъ впустить корпусъ Датскаго войска, стоящей уже за стѣною.

Они повѣрили ему. Онъ осадилъ съ своими солдатами ворота, взошелъ на башню бывшую надъ оными, и далъ урѣченной сигналъ; ему отвѣтствовали на оной, и въ то самое время Французы стали входить въ отворенные ворота. Саксонцы поздо уже примѣтя сей обманъ хотѣли противиться; но храброй Ерихъ выдержалъ своими напа-

денїе ихъ столь храбро, что непрїятели всѣ побиты были. Витекиндъ проснувшись отъ повторяемаго крику, вооружился въ скорости и сѣлъ на лошадь, собралъ находящееся въ Ересбургѣ войско и спѣшилъ сему городу на помощь; но солдаты Карла Великаго распространившїеся по всему городу, побивали всѣхъ противящихся имъ, и Витекиндъ принужденъ былъ, не смотря на свою храбрость и отчаянїе, видѣть подданныхъ своихъ побиваемыхъ, и городъ въ Христїянскихъ рукахъ. Ерихъ будучи о Гилдегардиной безопасности безпокоенъ, и не имѣя уже никакого непрїятеля пошелъ въ храмъ, чтобъ освободить любезную свою Принцессу. Караульные увидя его вооружи-

лись къ сопротивленїю; но ихъ неустрашимость стоила имъ жизни. Клодомакъ получа чрезъ происходящей во всемъ городѣ крикѣ о томъ извѣстїе, пошелъ съ Араспомъ и съ Французскими солдатами на сраженїе, и при наступленїи дня узнавъ Ериха совокупились вмѣстѣ, и принудили Саксонцовъ просить милости.

Наконецъ вошелъ побѣдоносный Карлъ Великїй въ городъ, и непрїятель принужденнымъ себя нашелъ положить оружїе. Витекиндъ, видя себя оставленна и безъ всякой надежды, долженъ былъ въ побѣгѣ искать своего спасенїя, недопущенъ будучи своею кичливостїю просить у побѣдителя милости; смятенїе его подданныхъ и заботливосте

Французовъ споспѣшествовали его намѣренію. Онъ выѣхалъ свободно изъ города и обратился къ идущимъ ему на помощь Датчанамъ; а между тѣмъ Карлъ совершенно овладѣвши городомъ вступилъ въ дворецъ побѣжденнаго Короля, и обѣщалъ Саксонцовъ содержать какъ своихъ подданныхъ, естьли они примутъ Христіанскую вѣру; и наче же не хотѣлъ прежде успокоиться, пока не изтребитъ идола ихъ *Ирмензула*, и не раззоритъ до основанія всего того, что къ его богомерской службѣ принадлежало. Для исполненія сего пошелъ онъ въ храмъ, и тамъ принятъ былъ отъ Принца Ериха, которой ему Клодомака, и прекрасную Гилдегарду представилъ, и объ нихъ кратко раз-

сказавъ, при семъ не забылъ упомянуть и Арасповой и Тириндиной вѣрности. Великодушный Карлъ обрадовавшись увидя Ериха, обнялъ его съ видомъ дружества, и прославлялъ его храбрость; а потомъ и Клодомаку изъявилъ чистосердечную радость о томъ, что онъ ему въ доказательство своей дружбы последніе дни жизни его счастливѣе первыхъ сдѣлать можетъ; а какъ онъ былъ наипріятнѣйшій Принцъ въ свое время, то показалъ Гилдегардѣ, что какъ о пріятности красоты, такъ и о военныхъ дѣлахъ разсуждать знаетъ. Онъ приказалъ имъ во дворцѣ отвести покои, и познавъ Ерихову съ Гилдегардою склонность, не пропускалъ ничего, чтобы къ свидѣтельствованію дружбы послужить могло.

Между тѣмъ намѣрился онъ для совершенства своей побѣды за Витекиндомъ гнать и напасть на идущихъ къ нему на помощь Датчанъ: для того оставилъ въ Ересбургѣ сильной гарнизонъ, и поручилъ Клодомаку и Араспу въ городѣ команду, а самъ выступилъ съ Ерихомъ при своей армїи. Имъ не было нужды далеко *итти*; неустрашимой Витекиндъ прїѣхалъ къ Датскому войску, и остатокъ армїи своей собравъ подъ ихъ знамя, пошелъ Французамъ съ такою неустрашимостїю на встрѣчу, будтобы никогда побѣжденъ не былъ; но хотя онъ и присемъ случаѣ чудеса храбрости своей оказывалъ, однако войско его было разбито, и какъ Датчаня, такъ и Саксонцы ча-

стїю порублены и въ полонъ взяты. Великодушный Карлъ радовался видя въ Витекиндѣ такого героя, которой милости его достоинъ, приказалъ стараться его плѣнить, а отнюдь не умерщвлять. Сїе желанїе облегчило его бѣгъ: ибо онъ больше боялся лишиться свободы, нежели жизни; но какъ уже не въ состоянїи былъ ни къ какому предпрїятїю прибѣгнуть; то приказалъ Карлъ примѣчать только его путь, куда онъ обратится; а самъ остался какъ побѣдитель въ Ересбургѣ, гдѣ для торжествованїя своей побѣды и *Ирмензуловъ* храмъ посвятилъ истинному Богу, и отрешилъ жрецовъ и монахинь сего идола, раздѣливъ ихъ послѣ того въ мужескїе и женскїе мона-

стыри, чтобъ могли въ Христіанской вѣрѣ наставляемы быть. Клодомакъ удостовѣривъ въ сердцѣ своемъ, что за сіе знатное приключеніе одному только обѣщанію своему, учииенному Христіанскому богу, благодарить долженъ, склонилъ Гилдегарду, Араспа и Тиринду, чтобъ они на истинной путь обратились, и просилъ Карла Великаго приказать ихъ въ правилахъ сего важнаго дѣла славнѣйшимъ учителямъ обучать.

Французской Король желая сей церемоніи придать больше знатности и Ериху показать услугу, поручилъ ему Гилдегарду и Тиринду отвести въ Армутіерской монастырь, гдѣ Принцесса Гелтруда, дочь его, была Игу-

меньею, а Клодомака и вѣрнаго Араспа оставилъ у себя. Ерихъ довольно зная свою Принцессу, которая чрезъ свои обѣщанія ни мало не могла привести его къ познанію истиннаго Бога, весьма радовался поручить прекрасную Гилдегарду ея смотрѣнію. Ихъ путь былъ благополученъ, и свѣтлѣйшая Игуменья приняла ихъ какъ родная мать; скоро потомъ оставилъ Карлъ на нѣсколько времени свои военныя дѣла, и намѣрился ѣхать въ свою резиденцію, чтобъ и внутреннія свои дѣла исправить: для того далъ Клодомаку позволеніе съ Араспомъ и Принцомъ Ерихомъ ѣхать въ Армутіерской монастырь, и Гилдегарду съ Тириндою привести, которыя между тѣмъ съ великими церемо-

ніями Христіанскую вѣру приняли. Принцесса Гелтруда встрѣтила ихъ со всею своею обителью; но въ то время какъ она отъ сихъ двухъ Принцовъ поздравленіи принимала, и приготовлялась имъ отвѣтствовать, слышны стали отъ одной изъ ея монахинь вздохи и слезы, что она принуждена была оставя отвѣтъ свой спрашивать о причинѣ оныхъ. На сей вопросъ плакавшая монахиня къ ней подошла, стала на колѣни, поднявъ свой покровъ: тогда Клодомакъ узнавъ въ семъ слезами окропленномъ лицѣ свою любезную Урисберту, вскричалъ, и тѣмъ Игумены сего собранія больше умножилось любопытство. Но онъ не долго оставилъ ихъ въ невѣденіи, и подошедъ къ ней съ неоли-

саннымъ желаніемъ, вскричалъ: о боже мой! это Урисберта! А сія монахиня сказала въ самое то время: великій боже! я вижу Клодомака! Не возможно по порядку описать того, что въ сію минуту между Гилдегардою, Араспомъ, Ерихомъ и съ ними, столь удивительнымъ случаемъ другъ друга увидѣвшими происходило. Молодая Принцесса упала къ стопамъ своей матери, и Клодомакъ обнималъ ее внѣ себя; Ерихъ расказывалъ Игуменьѣ о приключеніи ихъ; Араспъ и Тиринда радостно восклицали, и вся такимъ случаемъ въ жалость приведенная обитель не могла возбранить своимъ слезамъ.

Наконецъ приказала имъ Принцесса Гелтруда успокоить-

ся, и желая подлинно знать ихъ приключенія, велѣла Урисбертѣ встать, и обнявъ ее просила, чтобъ она ей сказала какую причину она имѣла пришедъ въ ея домъ скрывать имя свое и рожденіе; обнадеживая притомъ, что во всемъ къ удовольствію ея служить будетъ. Урибесберта благодарила за ея милость, и зная, что она о приключеніяхъ, бывшихъ до разбитія корабля, извѣстна, съ тѣхъ поръ стала сказывать, что ей послѣ того приключилось.

Я давно уже была въ сердцѣ моемъ Христіанкою, когда Клодомака просила отвести меня во Францію; бывшая при мнѣ служанка сей земли, дала мнѣ первая извѣстіе о ихъ вѣрѣ, ко-

торая такое дѣйствїе въ моемъ сердцѣ сдѣлала. Когда принимала ядъ въ доказательство невинности моего супруга, не имѣла другихъ мыслей, какъ только Христїанскаго Бога о помощи молила съ тѣмъ конечнымъ надѣянїемъ, что онъ и справедливостїю и оклеветанїемъ побѣду даруетъ. Моя надежда меня не обманула, я вознесла къ нему мысли мои и сердце и побѣдила мою непрїятельницу. Съ того времени я беспрестанно желала признаться въ томъ явно, что тайно склонила супруга моего ѣхать во Францїю, не открывая ему прежде намѣренїя моего, пока не буду въ безопасномъ мѣстѣ, и подъ защищенїемъ такого Государя, которой бы меня отъ гнѣва его охранить могъ,

естьлибы ему намѣренїе мое не угодно было; но богъ колебля мое постоянство подвергнулъ насъ той жестокой бури, въ которой я вдругъ лишилась Клодомака, дочери и вѣрнаго Араспа, которому толь много была обязана. Сожалительные пастухи ускорили мнѣ на помощь и взяли меня къ себѣ, и мнѣ гораздо чувствительно было мое лишенїе; чрезъ нѣсколько дней моего несчастїя свѣдала я, что одинъ купеческой Корабль при тѣхъ берегахъ, гдѣ пастухи жили, укрылся отъ бури, я велѣла себя туда отвести, дала Капитану онаго корабля драгоцѣнной перстень за мой провозъ и принята отъ него съ тѣмъ обѣщанїемъ, чтобъ отвести меня въ Французскую гавань; онъ сдержалъ мнѣ свое слово; путь

нашъ былъ благополученъ, и я имѣла отъ Капитана того корабля многіе знаки почтенія; онъ былъ Французъ и привезъ меня въ Британію; я получила отъ него знатную сумму денегъ за мои алмазы, и потомъ не имѣла причины опасаться, чтобъ меня въ монастырь не приняли, гдѣ я приняла наставленіе закона и Христіанскую вѣру.

Тамъ свѣдала я, что Принцесса Свѣтлѣйшая Карла Великаго дочь Игуминьей въ Армутіерскомъ монастырѣ. Желаніе, чтобъ ближе быть къ сему великому Принцу склонило меня сюда итти, и вступила въ здѣшней монастырь, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ никогда изъ него не выходить. Здѣсь объявила я то имя, которое

приняла при крещенїи, а мое прежнее и титулЪ Принцессы совершенно оставила. Удивительныя добродѣтели, которымЪ я здѣсь всѣхЪ подражающихЪ увидѣла, склонили меня принять монашеское платье, а тѣмЪ болѣе, что я столь любезныхЪ мнѣ персонЪ видѣть никакой надежды больше не имѣла. Вы столь благосклонны были, милостивая Государыня, что желанїе исполнили, и сЪ того времени, какЪ сїе святое обѣщанїе здѣсь отЪ всякаго беспокойства меня свободну содержало, не было вЪ жизни моей ни одной скучливой минуты. Я хранила должность моего сана, и вЪ безпрестанномЪ уединенїи моемЪ не спрашивала и не чаяла участїе имѣть, естьлибы сїя

молодая Принцесса (при семъ указала на Гилдегарду) не пришла въ сдѣшнюю обитель..... Ея присутствїе возбудило въ моемъ сердцѣ движенїе склонности, чему я не мало удивлялась, и спросила о ея имени, фамилїи и отечествѣ. Моимъ внѣшнимъ видомъ обманутыя сестры сказали мнѣ, что она Саксонка, и дочь главнаго жреца ихъ ложныхъ боговъ; что ея отецъ обратился въ Христїанскую вѣру, живетъ при Королевскомъ дворѣ, и что сїе обращенїе произошло отъ Принца Ериха, родственника Норвежскаго Короля. Имя Ериха привело меня въ изумленїе, и не возмогши понять чрезъ какой случай племянникъ мой въ здѣшней землѣ находится, или для чего вступилъ въ дѣло

сихъ служителей, почувствовала въ себѣ такое безпокойство, котораго преодолѣть не могла. Я удалялась сей Принцессы и стала жить уединеннѣе прежняго, для того что никогда безъ слезъ на нее взглянуть не могла.

Однакожъ принуждена была по данному предъ нѣсколькими днями приказанїю при прїѣздѣ иностранныхъ Принцовъ притти предъ Ваше Высочество, и какъ скоро глаза мои на нихъ обратила, узнала тотчасъ моего мужа, и не могла удержаться отъ слезъ и сильныхъ движенїй. Сего дня, милостивая Государыня, увидѣла я опять, что мнѣ въ свѣтѣ всего милѣе, но увидѣла далеко не съ такими мыслями, какїя въ молодости моей имѣла. Благодарю Бога, что онъ

ихъ сохранилъ; сїе новое милосердїе, полученное отъ его щедротъ, утверждаетъ еще больше тотъ союзъ; я упрошу Клодомака и мою дочь, чтобъ они его почтили, и оставилибы меня за толь многїя благодѣянїя непрестанно приносить ему мое благодаренїе.

Какъ скоро добродѣтельная Принцесса окончила свою рѣчь, чѣмъ всѣ свѣтлѣйшїе слушатели ея въ жалость приведены были; то Клодомакъ смотря на нее съ почтительнымъ удивленїемъ говорилъ: но, любезная Урисберта, не думай, чтобы я суетными желанїями твои благородныя намѣренїя разрушить хотѣлъ; вмѣсто оныхъ стану я ободренъ твоимъ примѣромъ тебѣ подражать, и посвящу себя такъ

какъ и ты на вѣки сему святому сану.

Радость Принцессы Гелтруды при сихъ словахъ была неизреченна; она въ великомъ удовольствіи о усердіи сихъ новокрещенныхъ дала волю ихъ движеніямъ. Прекрасная Гилдегарда обнимала свою свѣтлѣйшую родительницу; Араспъ и Ерихъ показывали ей свое почтеніе, а Клодомакъ прославлялъ счастливость того дня. Гелтруда зная волю Государя родителя своего, и желая ему донести о семъ случаѣ, поѣхала съ Урисбертою, Гилдегардою и Тириндою въ Ладербонъ, гдѣ Карлъ тогда обрѣтался. Принцъ Ерихъ и Клодомакъ съ Араспомъ и многими господами провожали ихъ во весь путь. Карлъ свѣдалъ ихъ

пріѣздъ чрезъ нарочно посланныхъ, принялъ ихъ со звукомъ музыкальнаго орудія, и за особливыми знаками чести Принцесса его дочь расказала ему все бывшее, и просила начатое дѣло ея совершить, и Гилдегардѣ быть преемникомъ. Сія церемонія совершена была съ неописаннымъ великолѣпіемъ. Ерихъ съ Французскою Принцессою были воспріемниками Тириндѣ, а Клодомакъ и Араспъ прежде того крещены были. Чрезъ нѣсколько дней объявилъ Король Принца Ериха Герцогомъ Фріолскимъ Керитенскимъ и другихъ пограничныхъ земель, и совершилъ бракъ его съ Гилдегардою, а Тириндинъ съ Араспомъ, которые оба остались при сихъ новыхъ Герцогѣ и Герцогинѣ

Фріолскихъ. Клодомакъ принялъ иноческой санъ и суровымъ житіемъ просилъ о прегрѣшеніяхъ младости своей покаянія.

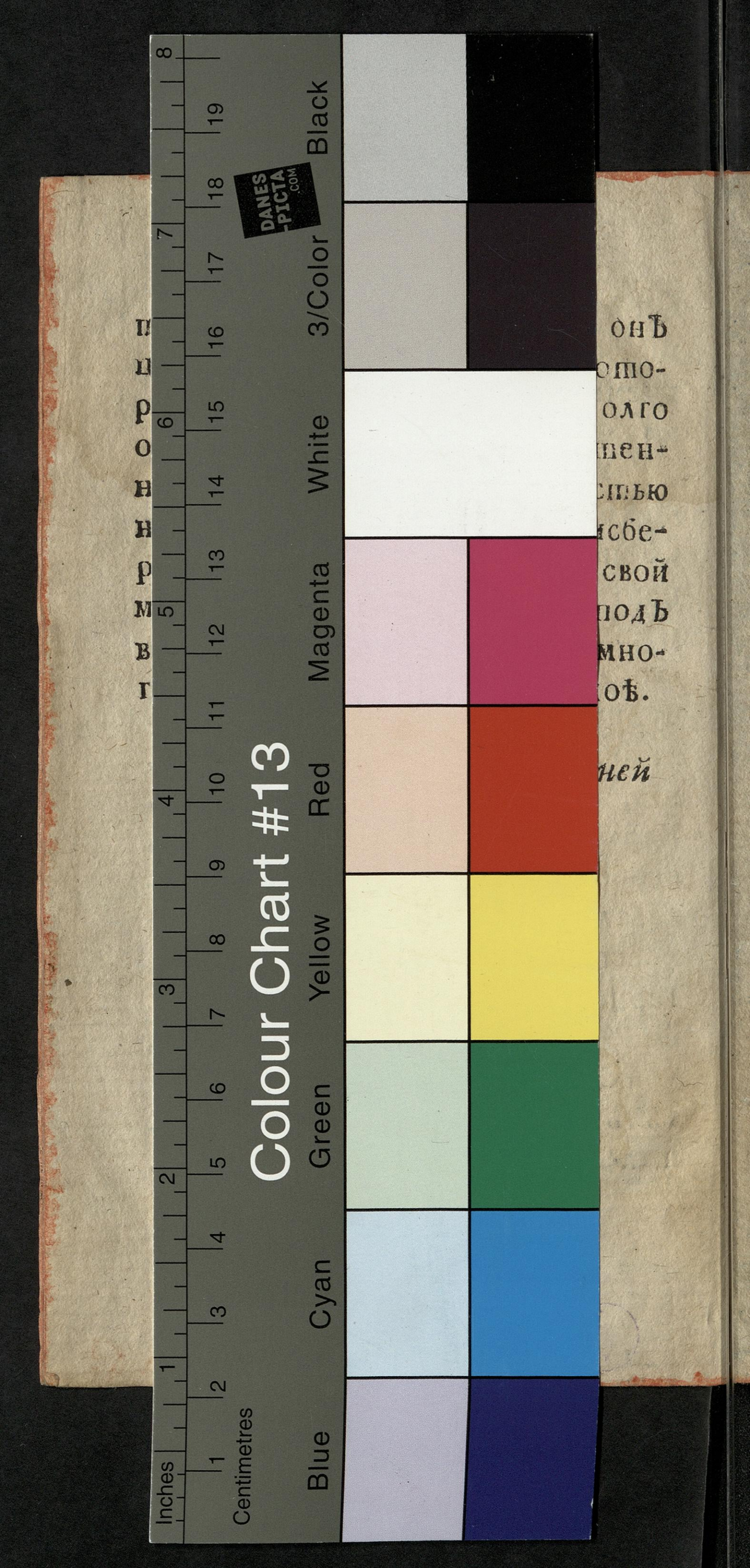
Великій Карлъ свѣдавъ Витекиндово пребываніе, послалъ къ нему Амаловина, которой у него въココресбургѣ былъ посломъ и приказалъ ему стараться о его обращеніи. Сей господинъ будучи много ученъ, столь полезно употреблялъ свои дарованія, что его склонилъ ѣхать къ Карлу, которой принявъ его съ особеннымъ великодушіемъ, приказалъ его научить закону и крестить, и далъ Енгерское Герцогство. Но еще больше учинило въ немъ дѣйствія, какъ Ериха и Клодомиру живыхъ увидѣлъ, коихъ совершенно почиталъ мертвыми. Всѣ сіи удиви-

тельные случаи приписывалъ онъ правленію того провиденія, которое онъ почитать толь долго отрицался; и для того совершенно себя оному предалъ. Радостью наполненная Гелтруда и Урисберта возвратились опять въ свой монастырь, и объ жили подъ владѣніемъ Карла Великаго многіе годы въ желаемомъ покоѣ.

Конецъ второй и послѣдней части.

п … онъ
ц … ото-
р … олго
о … щен-
н … стью
н … сбе-
р … свой
м … подъ
в … мно-
г … оѣ.

… ней

